

НАСТОЯЩАЯ
ФАНТАСТИКА

ВЗЛОМАННОЕ БУДУЩЕЕ

Рассказы гораздо лучше, чем я ожидал.
Читал их с удовольствием

Брюс Стерлинг

Александр Матюхин

Взломанное будущее (сборник)

«Снежный Ком»

Матюхин А. А.

Взломанное будущее (сборник) / А. А. Матюхин —
«Снежный Ком»,

ISBN 978-5-904919-87-0

Перед вами – удивительный, и даже уникальный в своём роде сборник. Дело в том, что компания Positive Technologies, специализирующаяся на системах киберзащиты, ежегодно проводит в Москве конференцию Positive Hack Days. Тысячи компьютерных гениев со всей России соревнуются... в скоростном взломе банкоматов и мобильных телефонов, моделей систем безопасности атомных станций и военных сетей. Парадокс? Ничуть. Чтобы что-то защитить нужно сначала понять, как это взломать. А где же тут киберпанк? А вот он: к конференции проводится конкурс рассказов. Финалистов судит сам отец-основатель жанра Брюс Стерлинг, а победителей озвучивает со сцены культовая программа «Модель для сборки». И вот – сборник по итогам двух лет конкурса. Прочтите и убедитесь, что виртуальное завтра наступает уже сегодня!

ISBN 978-5-904919-87-0

© Матюхин А. А.

© Снежный Ком

Содержание

Оживить киберпанк: история этого сборника	5
Киберпанк	7
Игорь Вереснев	7
Юлиана Лебединская	15
Игорь Вереснев	26
Дмитрий Лукин	37
Алекс Тойгер, Алёна Голдинг	44
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Взломанное будущее (сборник)

Оживить киберпанк: история этого сборника

Замечали ли вы, как странно отражаются в кривом зеркале художественной литературы различные профессии? Вот, скажем, сыщикам и следователям очень везёт: ими завалены все шкафы в книжных магазинах. Есть даже целая армия книжных детективов-старушек и детективов-детей, которые с успехом раскрывают самые загадочные преступления. Такое ощущение, что без них в нашей жизни не сделать и шагу.

Хотя, по правде говоря, услугами булочника и мусорщика мы пользуемся гораздо чаще. Но видели ли вы модный роман, героем которого является булочник? Или, может, серия рассказов о жизни мусорщиков вас так поразила, что вы подписались на журнал, в котором эти рассказы публиковались?

Сборник, который вы держите в руках, появился в результате именно таких наблюдений о несоответствии реальности и литературы. История эта началась в 2012 году на ежегодной конференции по практической безопасности Positive Hack Days – куда меня, как автора пары-тройки киберпанковских романов, пригласили выступить с докладом об этом жанре.

Здесь для начала стоит пояснить, каким образом «хакеры» и «безопасность» оказались в одном названии мероприятия. Ведь если судить по новостям в газетах, это вроде как противоборствующие стороны. На практике же хорошая защита всегда должна знать, каким будет нападение. Поэтому значительную часть современной киберзащиты составляет работа тех, кого скромно называют «исследователями защищённости». Суть их работы – проверка на прочность для улучшения защиты. Тот же взлом, только «в белой шляпе».

Итак, представьте хакерскую конференцию. В одном зале идёт доклад, где показывают, как легко проникнуть через Интернет на атомную электростанцию и химический завод. В другом докладе в это время сравнивают кибероружие Китая и Индии. В фойе проходят конкурсы по взлому банкоматов и мобильных телефонов, причём некоторым удаётся сделать это всего за несколько минут. А в углу бежит по рельсам поезд игрушечной железной дороги под контролем реальной системы управления – и в ней за два дня конференции находят достаточно дыр, чтобы устроить паровозик катастрофу. Тем временем участники мастер-класса по конкурентной разведке взламывают почтовые ящики и аккаунты социальных сетей, чтобы добыть секретные данные... Такой вот страшноватый практикум по реальной кибербезопасности наших дней.

И вот посреди всего этого мы начинаем обсуждать киберпанк. И выясняется, что современная художественная литература и кино как-то пролетают мимо. Какая там фантастика! Мы давно живём в стране победившего киберпанка, это цифровое будущее уже здесь, оно лежит в наших карманах, управляет нашими движениями, программирует наши сны, но адекватно отразить и осмыслить этот дикий кибермир почти никто не берётся. Классика жанра, которую уважают представители профессии под названием «информационная безопасность», – это книги Уильяма Гибсона и Брюса Стерлинга, фильмы «Хакеры» и «Нирвана», далёкая романтика 90-х.

Ну да, в современных книжках и фильмах тоже иногда мелькают парни с компьютерами. Но как-то у них «без огонька». А может, есть и «с огоньком», просто оно не доходит до широкой публики?

Мы решили исправить этот крен в общественном сознании – и оживить киберпанк. Начали с того, что в 2014 году пригласили на PHDays IV создателей культовой радиопередачи «Модель для сборки» (МДС), предложив им прочитать со сцены пару киберпанковских рассказов для участников конференции.

Вышло неплохо. Однако оба рассказа, которые читала «Модель...», были написаны более десяти лет назад. Проверенная временем классика – это да, но надо двигаться дальше, искать новые таланты. Поэтому в 2015 году организаторы PHDays объявили конкурс рассказов, посвящённых непростой жизни человека в мире глобальных коммуникаций и цифровых суррогатов.

На конкурс поступило более двухсот заявок. В жюри вошли Глеб Гусаков (писатель-фантаст, руководитель издательства «Снежный Ком»), Алексей Андреев (он же Мерси Шелли, писатель-фантаст), Владислав Копп (бессменный ведущий передачи «Модель для сборки») и Сергей Чекмаев (писатель-фантаст, редактор проекта «Модель для сборки»). Выбранные ими рассказы-финалисты были переведены на английский и отправлены главному судье – одному из «отцов киберпанка» Брюсу Стерлингу.

Честно говоря, мы побаивались, что Стерлинг назовёт эти тексты полным отстоем. Как оказалось, до получения рассказов он думал примерно то же самое. Но когда стал читать, то сообщил: «They are better stories than I expected. I enjoyed reading them».

В общем, мэтру понравилось. Так что на конференции PHDays V ребята из «Модели для сборки» читали со сцены уже самый свежий киберпанк – рассказы победителей конкурса «Взломанное будущее». А обладатель первого места получил квадрокоптер. Это был своего рода намёк на будущее: взлом квадрокоптеров демонстрировали на PHDays следующего года.

В 2016 году мы повторили и конкурс рассказов. А его судьи тем временем заметили, что за два года набралось достаточно неплохих текстов для того, чтобы издать их отдельной книгой. Помимо первых трёх мест каждого года, в этот сборник вошли ещё несколько рассказов с высокими оценками жюри, а также три рассказа самих членов жюри (надеюсь, это последнее даст читателям ответ на классический вопрос «А судьи кто?»).

Ну а если этого сборника вам покажется мало – напоминаем, что конференция Positive Hack Days проходит каждую весну в Москве (phdays.ru), и именно там творится самый настоящий киберпанк. Следите за анонсами конкурса «Взломанное будущее», слушайте «Модель для сборки»... и поменяйте наконец ваш смешной пароль.

Алексей Андреев / Мерси Шелли

Киберпанк

Игорь Вереснев За пригоршню ржавых биткойнов

Цезарь как всегда опоздал. На этот раз ждать его пришлось почти час. Поэтому, едва дверь за спиной толкача захлопнулась, Шлак кинулся к нему:

– Есть?

В том, что именно Цезарь толкает моему объекту кнар, я не сомневался – остальные больно уж зелёные. Но доказательств у меня пока не было.

Тонкие губы Цезаря под такими же тонкими усиками сложились в ухмылку.

– Есть, есть. А что, когда-то не было?

– Так давай, не тяни! – не выдержала и Соната. – Сил же никаких не осталось!

Судя по биометрии, мой подопечный тоже сгорал от нетерпения. Но Цезарь не спешил. Обвёл компанию цепким взглядом, задерживаясь на каждом. Поинтересовался:

– А вы сделали, что я сказал?

Подростки заугукали, закивали. Но как-то недружно. Потому Цезарь уточнил:

– Всё сделали?

Я понятия не имел, о чём идёт речь. Видно, разговор состоялся до того, как я взял своего объекта на поводок. Но интонация Цезаря мне не нравилась. Ещё больше не нравилось, что у объекта участилось сердцебиение. Он явно волновался. И Цезарь это заметил.

– Корень? – Он резко ткнул пальцем в моего подопечного. – Ты поставил заплатку?

Объект шмыгнул носом, полез в карман за смартфоном. Цезарь не унимался:

– Я для чего вам её скинул? Или ни разу не грамотные? Не хватало спалиться из-за всякой трухи.

Худшие мои опасения подтвердились. Цезарь предусмотрел, что датчики зафиксируют воздействие кнара на организмы юных балбесов, и операционка откликнется на всплеск необычной мозговой активности вполне предсказуемо: включит запись дампа. А далее дело техники – первое плановое посещение семейного доктора и тайное станет явным. Как именно заплатка должна предотвратить запись дампа, меня мало интересовало. Главное – она могла затереть мой эксплойт!

Объект нашёл программу Цезаря, ткнул в неё пальцем. Не попал – я чуть-чуть подкорректировал движение. Но фокус не удался. Цезарь выхватил у парня смарт и активировал установку. Изображение на моём экране мигнуло, перевернулось вверх тормашками. Погасло. Всё, объект соскочил с поводка. Троянский код, так старательно внедрённый в его дешёвенькую ОС Хомо III, уничтожен.

В сердцах я саданул ладонью по подлокотнику кресла, охнул от боли, потряс пальцами. Потом пошёл к холодильнику, достал банку пива, подержал в руке, пока холод не унял боль. Открыл крышечку, сделал долгий жадный глоток. И что теперь, начинать заново? Или нарытой информации заказчику будет достаточно? В конце концов я не на спецслужбы работаю! Мои заказчики сегодня – пращурсы незадачливого школяра Кореня, то бишь Корнелия Удалова, заподозрившие, что их чадо балуется кнаром. Кибернаркотиком, говоря человеческим языком.

Мы научились жить долго, оставаясь при этом бодрыми и здоровыми. И превратились в трусов. Мы боимся инфаркта и диабета, энуреза и лейкемии, эболы и аллергии на коша-

чью шерсть, депрессии и лихорадки Зика, болезни Паркинсона и раннего облысения, импотенции и близорукости, кариеса и аневризмы. А сильнее всего мы боимся оказаться один на один с собственными недугами. Потому мы пичкаем наши тела имплантатами, стимуляторами, корректорами, датчиками, сигнализаторами, снабжаем хард софтом – драйверами, серверами, мониторами. И чтобы вся эта начинка работала надёжно и бесконфликтно, чтобы прозрачно, гибко и удобно следить за собственным организмом, человеку необходима программная оболочка – операционная система.

Однако первая неоспоримая мудрость древних гласит: что один программист накодил, другой всегда хакнуть может. Разумеется, влезть в чужие мозги, поковыряться в памяти, прочесть чьи-то мысли хомохакер не способен при всём желании, это чистой воды фантастика. Зато взломать ПО, перехватить биометрию или первичные сигналы, поступающие на контроллеры, – другое дело. Подключить параллельный интерфейс, видеть, слышать, обонять и осязать то же, что и объект хакинга, отслеживать, как изменяются его сердечные ритмы, давление, активность мозга. А если ты соображаешь в перекодировке сигналов соматической нервной системы, то появляется и обратная связь с объектом. Можно заставить человека что-то не увидеть, или не услышать, или ткнуть куда-нибудь пальчиком неосознанно. Любого человека, независимо от того, какое ПО на нём стоит. Ибо вторая мудрость в том, что неуживимого ПО нет, есть взломщики-дилетанты.

Я стараюсь с обратной связью не злоупотреблять и умения свои особо не афиширую – слава мне не требуется. Возможно, когда-нибудь я займусь серьёзным бизнесом или пойду на службу к правительству. Но пока хомохакинг для меня скорее хобби, позволяющее заработать немного биткойнов, чтобы не кланяться у маман и не париться с поисками работы. Оказываю анонимные услуги супругам, жаждущим покопаться в тайнах друг друга, или родителям, свихнувшимся на тотальном контроле своих чад. Да мало ли! Дела житейские.

Очередной заказ ничем не отличался от предыдущих. «Я подозреваю, что моя жена изменяет мне со своим боссом. Можете ли вы помочь мне узнать правду?» И в аттаче – номер карты соцстрахования потенциального объекта, чтобы собрать данные из открытых источников. Спустя час я знал, что Ирма Витер – двадцать девять лет, замужем, детей нет – работает помощником инновационного директора корпорации «От сердца к сердцу», проживает вдвоём с мужем в хауз-тауне М-22. А также её подробную биографию, аккаунты в соцсетях, музыкальные пристрастия, списки друзей детства и ворох прочей информации, совершенно мне не нужной и не интересной. Да, самый обычный заказ. Я сообщил клиенту стоимость услуги – пятьдесят процентов предоплата, – и ещё через десять минут аванс пришёл на мой адрес. Хомохакинг начался.

Первый этап – самый простой, но в то же время он требует определённой сноровки и скрупулёзности. Мои мушки-киберпомощницы атаковали таун М-22 с первыми лучами солнца. Пролетели сквозь жабры воздухозаборников, поднялись по лестничным пролётам, затаились, поджидая объект. Я никогда не пытаюсь провести кибера в чужую квартиру или, скажем, в мобиль. Во-первых, потому что это явная уголовщина, а вычислить владельца серийного кибера на порядок проще, чем создателя безликого программного кода. Во-вторых, уважающие себя граждане держат дома скан-церберов, отслеживающих всякую нерегламентированную киберактивность. Зато в помещениях общественного пользования хауз-таунов, где постоянно вертится всякая ремонтная мелюзга, затеряться проще простого. Конечно, проделать операцию первичного знакомства вне стен тауна ещё надёжнее. Но кто в наше время совершает пешие прогулки по мегаполису? Разве что отъявленные маргиналы, которых никто никогда не заказывает.

Ирма Витер вышла из квартиры в 8:21, и я тут же усадил мушку под воротник её пиджака. Это надо делать быстро и аккуратно, чтобы объект не заметил атаку. В лучшем

случае он брезгливо смахнёт мушку и подсознательно сделается внимательнее, так что посадить запасную будет куда сложнее. В худшем – заподозрит хакинг, обратится в полицию. Тогда вся операция насмарку. Придётся или возвращать аванс, или уговаривать заказчика отложить затею на неделю-другую, пока объект не успокоится. У меня бывали такие провалы на заре моей хомохакерской юности. Три года назад, хе-хе.

Объекту понадобилось семь минут на то, чтобы спуститься с тридцать четвёртого этажа хауза на минус пятнадцатый подземной парковки и сесть в подогнанный автопилотом мобиль. За это время мушка просканировала установленное ПО, записала отчёт и раньше, чем Ирма Витер захлопнула дверь бежевой «ауди», выпорхнула из-под воротника и отправилась восвояси. Меньше чем через час она сидела у меня на столе и сливала информацию в ридер. Начинаясь второй этап хакинга.

Второй этап – это искусство. Проанализировать весь хард и софт объекта, найти уязвимости, выявить нестыковки, люфты, обломки мёртвых программ, прочий мусор, годный для вторичной переработки. Дилетанты пытаются получить доступ к объекту чужими скриптами, часто не понимая принцип их действия. В дешёвых операционках семейства «Хомо», чьи владельцы вдобавок не заморачиваются своевременной загрузкой обновлений, такое проходит. В ОС Бионик, тем более в Бионике М – никогда. И это хорошо. Их обладатели думают, что в комплекте с дорогой операционной системой приобрели неуязвимость своего «внутреннего мира». Они уверены и спокойны. И по-своему они правы – дилетантам до них не добраться. Но они не знают вторую мудрость древних. Я не пользуюсь штамповкой. Каждый раз я готовлю эксплойт заново. Конечно, у меня есть набор заготовок. Но дьявол, как известно, в мелочах.

Здоровье Ирмы Витер защищала ОС Бионик М2. Ни разу не взломанная, судя по отсутствию мусорного кода, с минимумом сторонних драйверов, с включенным на всю катушку файрволом. Неуязвимая. Почти. У Ирмы Витер стоял замечательный кардиодетектор производства корпорации «От сердца к сердцу», не иначе, подарочный вариант, эксклюзивная вещь. При необходимости он мог выполнять функции не только детектора, но и стимулятора, и нанохирурга, и операционного ассистента. А если чуть-чуть дописать его драйвер... В общем, эксплойт к Ирме Витер стоил мне бессонной ночи и красных слезящихся глаз. Мой личный Бионик – без «М», да – порекомендовал незамедлительно воспользоваться черничным аппликатором.

Третий этап – самый ответственный. Если что-то не учёл на втором, то вся операция идёт насмарку: либо файрвол объекта выявит и нейтрализует попытку взлома, либо эксплойт окажется неработоспособным, и накинуть на объект поводок не получится. Самое пакостное, что от тебя уже ничего не зависит, сложи пальцы крестом и жди результат.

Моя мушка снова поймала Ирму Витер в дверях квартиры. Сегодня на женщине был джемпер крупной вязки. Тоже неплохо – мушка притаилась между нитями. И отправила операционной системе запрос на получение общей биометрии. Ничего подозрительного, на такие запросы наши операционки отвечают постоянно: когда выходим из дому и входим в офис, садимся в машину и спускаемся в подземку, покупаем видеокамеру и делаем заказ в ресторане – вещи и механизмы, окружающие нас, должны знать, что желающий воспользоваться их услугами человек здоров и адекватен. Ничего подозрительного... если не учитывать, что запрос моей мушки содержал в себе эксплойт. Я помолился Великому Хакерскому Богу, чтобы объект за те двое суток, что прошли после сканирования, не устанавливала себе какое-нибудь обновление или неучтённый драйвер, и стал ждать.

Мушка управилась с запросом раньше, чем Ирма Витер добралась до минус пятнадцатого этажа парковки. Эксплойту для активизации времени понадобилось куда больше. Но маленькое окошко на моём экране всё же ожило. Операционная система Ирмы Витер транслировала запрошенную биометрию удалённому доктору. Задача для файрвола стандартная

и потому разрешённая без уточняющих вопросов. Вот только удалённым доктором в этот раз был я, а в составе биометрии передавалась первичная информация от зрительных и слуховых анализаторов объекта. В окошке мелькали граффити на стенах магистрального тоннелепровода, из динамиков монотонно урчал двигатель. Ирма Витер ехала в офис. Хакинг перешёл на четвёртый, завершающий этап: получение плюшек и прочих вкусностей.

Обычно хомохакры на этом работу заканчивают. Производят окончательный расчёт с клиентом и переадресуют на него установленный канал биометрии. Но я не спешу. Не из-за того, что боюсь внезапного отказа эксплойта, таких случаев в моей практике не было. Наверное, мне просто нравится смотреть на мир чужими глазами.

Неторопливость сослужила мне полезную службу. Потому что Ирма Витер готовила подвох, какого я не ждал. Вернее, его приготовила корпорация «От сердца к сердцу».

Пучеглазый с глубокими залысинами охранник у входа в офис улыбнулся мне – Ирме Витер, разумеется! – пожелал доброго утра. И неожиданно заявил:

– Обычная процедура. Присядете?

– Алекс, шевелись побыстрее, – судя по всему, объект отмахнулась от предложения. – Жми свою кнопку.

– Ну, некоторым дамам дурнеет... – принялся оправдываться охранник. И в самом деле нажал какую-то кнопку на пульте перед собой.

Динамики по-комариному пискнули, картинка в окошке поблёлкла, сделалась чёрно-белой, погасла. А у меня челюсть отвисла. Нет, это не могло быть гибелью эксплойта! Как-то уж слишком резко всё случилось. Блокировка передающего сигнала? Или...

Целый день я ждал ответ на свой вопрос. И в 18:13 я его получил – окошко ожило, биометрия возобновилась как ни в чём не бывало. Эксплойту вновь понадобилось время, чтобы активироваться после перезапуска операционной системы, так что попрощаться с охранником я не успел, Ирма Витер уже выводила «ауди» с парковки.

Я запросил логи системы, и худшие предположения подтвердились: чип-интегратор был отключён от электропитания с 8:43 по 18:07. Это казалось невероятным – несколько тысяч человек оставались без медицинского наблюдения в течение всего рабочего дня! С другой стороны, корпорация, производящая лучшее в мире кардиологическое оборудование, разрабатывающая драйвера для операционных систем семейства «Бионик», могла себе это позволить. Хозяева «От сердца к сердцу» показали мне средний палец – выключенную систему невозможно взломать в принципе.

Перед заказчиком я извинился, описал ситуацию, предложил вернуть аванс – вообще-то это против правил, но я не крохобор. Он ответил через полчаса. Он не настаивал на возврате аванса. Наоборот, попросил что-нибудь придумать. И увеличил гонорар втрое. Со сто-процентной предоплатой. Вернуть пятьдесят биткойнов, даже если ты их считаешь уже своими, не так и трудно. Вернуть три сотни, свалившиеся тебе в кошелек... я не смог.

Трое суток я пытался понять, как отключают питание чипа-интегратора, пробовал это предотвратить. Безрезультатно. А потом я увидел решение во сне. Пресловутая красная кнопка и палец охранника, жмуший на неё. Жмуший! Отключение срабатывает не автоматически, что естественно, – вряд ли боссы корпорации захотят рисковать собственным здоровьем.

Я не смог взломать интегратор, зато я взломал охранника. По привычной схеме, с мушками, сканированием и черничным аппликатором. Заказчик терпеливо ждал. Зато я ждал с нетерпением! Обойти систему защиты «сердечников» стало для меня делом принципа и хакерской ценностью. И этот день наступил. Охранник жил под ОС Бионик М, и у него тоже стоял эксклюзивный кардиодетектор. Но внутрь офиса у охранника допуска не было, потому обесточивать свой чип-интегратор ему не требовалось.

– Доброе утро!

- Доброе утро, Алекс. Что, обычная процедура?
- Конечно. Присядете?
- Давай, жми свою кнопку.

Клац. Алекс промахнулся, сам того не заметив. И не увидел, что индикатор на панели не позеленел, остался жёлтеньким.

- Хорошего рабочего дня!
- И тебе не хворать.

Ирма Витер вошла в фойе офиса, поздоровалась с кем-то из сослуживцев, направилась к лифтам. Получилось! Не в силах удержаться, я вскочил, сплясал джигу. Затем смахнул выступившую на лбу испарину и отправил клиенту ссылку удалённого доктора. Теперь я точно покончил с этой задачей! Пусть заказчик сам следит за развлечениями жёнушки.

Но побороть искушение хоть одним глазком заглянуть в так тщательно скрываемую внутрикорпоративную жизнь «сердечников» я не смог. Разумеется, ничего заслуживающего внимания там не увидел. Что интересного в работе помощника директора? Сортировка почты, чтение входящих, подготовка исходящих, планирование контактов. Одно могу сказать наверняка – клиент в своих подозрениях ошибся. Если жена ему и изменяла, то не с боссом. Я видел лишь вполне корректные отношения руководителя и подчинённой. Вопрос закрыт.

Однако вечером клиент вновь напомнил о себе. И попросил повторять процедуру доступа, пока он не убедится окончательно в супружеской верности, пообещав за каждый день доплачивать по сотне. Сто биткойнов за одно нажатие кнопки?! Вернее, ненажатие. Я вдруг ощутил себя миллионером. Возможно, этот тип параноик, шизофреник или просто псих? Меня его безумие не касается, пока он готов платить.

Всё случилось на третий день хакинга корпорации «От сердца к сердцу», через полчаса после перерыва на ланч. Моя подопечная как раз поливала цветочки, выставленные на подоконнике.

– Ирма, мне нужен полный отчёт по седьмой лаборатории за месяц, – инновационный директор стоял в дверях кабинета.

- К завтрашнему совещанию?
- Да. Но я хочу предварительно просмотреть его сегодня вечером.
- Хорошо, я сейчас подготовлю.

Ирма Витер подошла к столу, села за компьютер, ввела пароль. И ещё один – к защищённой области данных. Я понятия не имел, чем занимается их седьмая лаборатория, но пароль! Я увидел и запомнил последовательность введённых объектом символов! Интересно, пароль можно продать конкурентам «сердечников», и если да, то за сколько? Я никогда прежде не занимался подобным, но если оно само в руки плывёт...

Я не успел додумать эту интересную мысль – на экране творилось нечто странное. Не на моём – на том, что висел над столом Ирмы Витер. Документы, таблицы с расчётами, схемы листались там всё быстрее, и в такт им всё быстрее бегали по сенсор-планшетке пальцы объекта. Нет, наоборот, движения женщины заставляли мелькать картинки перед её глазами. Она что-то ищет? Визуальный метод – самый непродуктивный.

Мне хватило полминуты, чтобы понять – она не ищет, она просматривает всё подряд. Чересчур быстро, чтобы человеческий мозг мог запомнить поступающую информацию. Но она и не предназначалась для человеческого мозга Ирмы Витер. Посаженный на поводок объект стал инструментом, терминалом удалённого доступа.

– Э, э, э! Мы так не договаривались! – возмутился я. Клиент на моё возмущённое послание не ответил.

В кабинете Ирмы Витер затрещал интерком. Она не реагировала, удалённый доктор, управляющий её телом, слишком спешил, чтобы отвлекаться. Управляющий?!

Я сообразил, что не давал полного доступа на объект. Только чтение данных биометрии – заказчик ведь хотел посмотреть и послушать! Хакинг внутри хакинга? Это не лезло ни в какие ворота! Меня разводили как котёнка! Отключить заказчика от канала биометрии я не мог – получив полный доступ, он легко блокировал любые мои запросы. Единственный выбор, который мне оставался, это либо отключиться самому и постараться забыть о том, что случилось, утешаясь заработанными пятью сотнями, либо продолжать наблюдение. Да, я повёл себя наивным котёнком. Но превращаться в страуса было ещё глупее.

Изображения в окошке удалённого доктора мелькали с чудовищной скоростью. Схемы, схемы, схемы... Ирма Витер изо всех сил боролась с чужим принуждением: сердечный ритм нарушился, дыхание то и дело прерывалось, внутричерепное давление ползло к красной отметке, анализаторы выброса адреналина в кровь били тревогу. Но поводок захлестнул её намертво: пальцы послушно сновали по планшетке, глаза неотрывно следили за экраном.

Я не увидел, а услышал, как босс вышел из кабинета.

– Ирма, ты что, оглохла?

Босс подошёл ближе, взглянул на экран. И – понял.

– Что?! Нет!

Он рванул меня – Ирму Витер, разумеется! – в сторону, прочь из-за стола. Пытаясь удержать экран в фокусе, женщина крутанула головой так, что захрустели шейные позвонки. А потом показатели биометрии зашкалило окончательно, я и представить не мог, что такой хакинг возможен! Ирма Витер внезапно развернулась и ударила. Мышечный тонус хрупкой, отнюдь не спортивной женщины оказался таков, что инновационный директор отлетел к окну, ударился спиной о подоконник, упал, цветочные горшки посыпались ему на голову.

Впрочем, директору следовало отдать должное – самообладание он не потерял. Не закричал, не попытался убежать или снова ринуться в атаку. Ежесекундно мегабайты промышленных секретов корпорации улетали невесть куда, и он сделал самое верное, что мог в таких обстоятельствах: вызвал охрану.

С вызовом охраны я уже домыслил – едва директор сунул руку в карман пиджака, как поводок опять толкнул Ирму Витер к компьютеру. Задыхающуюся, полуживую, но ещё способную видеть и перебирать файлы.

– Гад ты! – крикнул я в адрес безымянного заказчика. То, что никакой это не «муж», я давно понял. – Ты же её до инсульта доведёшь. Или до инфаркта!

Я ошибся. Ни инсульт, ни инфаркт Ирме Витер не грозил.

В кабинете по ту сторону канала биометрии громко бахнуло. И ещё раз. И ещё. Инновационный директор вынимал из внутреннего кармана пиджака не смартфон – пистолет. Да, этот способ прервать взлом системы был куда быстрее, чем звать охрану.

Первая пуля вошла Ирме Витер в спину, задев позвоночник, две следующие – в голову. Голографический экран рванулся навстречу, выпадая из фокуса. Картинка от зрительного сигнала быстро мутнела, теряла яркость. Но я успел разглядеть, как брызнули на стол густые тёмные капли, расплылись лужицами. Из-за нарушенной цветопередачи и бинокулярности они казались просто пятнами ржавчины...

Затем изображение и звук в окошке удалённого доктора пропали. Столбик биометрии выдал безжалостный диагноз. Чувствуя, как начинают щипать глаза, я заорал, прекрасно осознавая, что заказчик меня не слышит:

– Гад! Мерзавец! Убийца! Думаешь, подставил меня, да? Думаешь, до тебя никто не докопается? Думаешь...

Окошко удалённого доктора свернулось. И всё остальное, что было у меня на экране, исчезло. Вместо этого его вдруг заполнили столбцы непонятных данных. Буквы, цифры. Никакого смысла. Я ошарашенно выпучил глаза.

– Что за нафик?

Я ткнул пальцем кнопку сброса. Не тут-то было! Компьютер не воспринимал ни одну мою команду, даже команду отключения. Они хакнули его, пока я возился с Ирмой Витер! А теперь хакают меня. Нагло, в лоб, через канал первичных зрительных данных...

Я хотел вскочить из-за стола. Не вышло. Хотел зажмуриться, закрыть глаза ладонями – и это не получилось. Чужой эксплойт лез в мою операционную систему, перехватывал нервные импульсы, блокировал команды соматической системы.

Извернувшись, я врезал пятками по ножкам стола, опрокинул его. Сенсор-планшетка, жалобно хрупнув, улетела в угол, экран распался. Я тоже свалился на пол, сурово приложившись плечом и локтем. Но боль – это мелочи! Неизвестно, какая часть враждебного кода успела внедриться в операционку – вот это страшно. Несомненно, с моего компьютера уже исчезли все следы заказа на взлом Ирмы Витер. Последняя зацепка, последняя ниточка, способная привести службу кибербезопасности к заказчику, была лишь в моих мозгах. Добраться до этого «софта» таинственный хакер не мог никак. Но он мог ударить по «харду»!

Я выудил из кармана смарт... и отбросил как ядовитую змею – экран заполняли знакомые коды. И что теперь делать? Я обвёл взглядом комнату. Невольно передёрнул плечами при виде двери балкона. Сорок первый этаж... После того что этот мерзавец сделал с Ирмой Витер, я не сомневался – он не остановится ни перед чем. Если шелл-код откроет полный контроль над моим Биоником... Не «если», а «когда», не стоит тешить себя иллюзиями. Нужно немедленно перезагрузить операционку, затереть вредоносный код. Но как это сделать, если все мои гаджеты хакнули и заразили?

Я потерял пять минут, заставляя себя поверить, что – никак. И всё это время эксплойт разрушал изнутри мой софт, чтобы взять хард под контроль.

Софт и хард... Я хищно оскалился. Бесплезно взламывать софт, когда хард отключён. Когда его вовсе нет!

Я ринулся на кухню. Вывалил на пол столовые приборы, присел над этой кучей, пальцем попробовал заточку каждого ножа. Этот пойдёт!

Я так спешил, что не снимал футболку, а просто разорвал ворот, освобождая левое плечо. Где-то здесь, под ключицей, притаился чип-интегратор, вместилище операционной системы. Я принялся нещадно давить себя пальцами, в надежде найти эту крупинку. Ага, кажется, оно.

Резать собственную кожу было страшно. И больно. И противно – когда хлынула кровь. Но я закусил губу и терпел. Я резал и ковырял, резал и ковырял. И выдернул-таки графеновую чешуйку!

«Вай-фай», – напомнил я себе. Вырезать мало, надо уничтожить. Раздавить, растереть в мокрое пятнышко!

Бионик наконец умер. Я растянулся на полу во весь рост, перевёл дыхание. Я получил свободу. Больше никто не мог взять меня на поводок, никто не мог управлять моими мышцами, не мог заставить сделать непоправимое.

Но к радости свободы почему-то примешивалась слабость. Я открыл глаза. И только сейчас увидел: насквозь пропитавшуюся кровью футболку, алые лужицы на полу. Я слишком увлёкся, выковыривая чип. Кровь не хлестала из раны – до артерии я не добрался, на счастье. Но какую-то вену задел, не иначе.

Мне стало страшно. Когда с рождения твоё здоровье оберегают умные программы и всемогущие чипы, ты привыкаешь не думать о нём. Если бы моя операционка функциони-

ровала штатно, сюда бы уже неслись бригады экстренной службы спасения, мне бы и пальцем не пришлось шевелить, чтобы их вызвать. Ладно, чёрт с ним, с вызовом спасателей я бы и сам справился... но гаджеты, гаджеты! Хакер-убийца лишил меня и этой возможности.

Что делать, я не знал. Но то, что ничего не делать – самое худшее, понимал прекрасно. С трудом поднялся на ноги. Зажимая ладонью рану, доковылял до двери. Вывалился на площадку. На разукрашенную весёлыми оранжево-голубыми мультяшными динозавриками нашу площадку хауз-тауна. Направо – коридор с бронированными прямоугольниками квартирных дверей, налево – шахты лифтов. Мне показалось, что на площадке необычно темно. Потом понял – это у меня в глазах темнеет!

– Помогите! Кто-нибудь, помогите... – Я хотел крикнуть, но получилось жалкое бляньё. Не из-за слабости. Мне никогда в жизни не приходилось кричать по-настоящему громко. Мне не приходилось звать на помощь. Помощь являлась прежде, чем я успевал о ней подумать.

Слева зашуршало. Я уставился на табло возле лифтовых дверей, изо всех сил щурясь, чтобы удержать расплывающуюся надпись в фокусе. И улыбнулся с облегчением. Кабина поднималась как раз на мой этаж, кто-то из соседей, должно быть.

Ноги не хотели держать, и я позволил себе медленно осесть на пол, привалиться спиной к стене. Ничего, уже не страшно. Ещё минута, и меня найдут.

Найдут?! Внезапный озноб заставил дёрнуться. Я вспомнил, как хакнул охранника, которого мне никто не заказывал. Хакнул, чтобы провести свой объект к месту назначения, выполнить поставленную задачу. Хакнул ради одного движения пальцем...

Кабина лифта остановилась, победно звякнув. Кто там внутри? Мой спаситель? Или надёжно зафиксированный поводком «пациент» удалённого доктора?

Юлиана Лебединская Тень и Элиза

- Она спит?
- Не беспокойся, лекарство крепкое.
- Хотелось обнять сестру, но тени не умеют обниматься.
- Тебе она никогда не нравилась, верно?
- Почему же, вначале...

...Вначале.

Вначале был призыв. Мауи-9 подверглась нападению. Об этом сообщили по всем рекомендованным каналам. Каждый день начинался и заканчивался посланием на чип: «Особо рекомендовано! Свежая новость. Усвойте без замедления!»

И он усваивал.

И миллионы других усваивали.

«Маленькой слаборазвитой планете, что не так давно стала частью Союза Шести, грозит опасность. Справка: Мауи-9 находится в двух световых годах от Новой Земли, к Союзу Шести присоединилась тридцать восемь лет назад...»

«Космолёт Федерации зафиксирован на орбите Мауи-9».

«Федералы так и не простили Мауи-9 их выбора. Союз Шести выступает на защиту своей планеты...»

«Нас опередили. Боевики Федерации высадились в главном космопорту Мауи-9. Космопорт уничтожен. Это был красивейший космопорт во всём Союзе Шести планет, построен в честь присоединения к нему Мауи-9. Старый космопорт всё ещё наш».

«Федералы рассеялись по планете и бесчинствуют – регулярно обстреливают города планеты, грабят магазины, убивают женщин. Жители Мауи-9 создают отряды сопротивления, однако их сил и военного вооружения не хватает, чтобы дать достойный отпор».

И огонь. Голограммка перед глазами. Пламя, везде пламя! Изувеченные тела «девярых» – так похожих на людей, только со странным золотистым оттенком кожи. Крики, разрушенные стены зданий, разбитое ти-ви на асфальте перед двухэтажным домом с выбитыми стёклами.

Сволочи!

Эдик напился. А почему, чёрт возьми, и нет? Друзья закатили прощальную вечеринку – ему и товарищам, которые тоже вошли в состав седьмого космодесанта боевого корабля «Глаз стрекозы». С девочками вечеринка, как положено. У многих уже от одежды одни каблуки остались, хотя нет, это не каблук, это генмодификация ноги. К чёрту!

Он ткнулся носом в пышные женские груди, и тут же в ушах пикнуло, перед глазами вспыхнула голограмма.

Огонь!

«Особо рекомендовано! Усвойте немедленно! Свежайшая информация! Усвойте! Усвойте! Усвойте!»

Пятилетнюю девочку разорвало на части, по асфальту размазало золотистые внутренности. Над изувеченным телом рыдает мать со спутанными седыми волосами. Мрази-Федералы, не видят, куда палят. Им, сволочам, всё равно, что противник с допотопным автоматом, что мирный житель.

Ничего, ничего! Мы идём, встречайте нас!

К нему подошла Элиза, поднесла отрезвляющую смесь. Во девка, а! Он в чужие сиськи мордой тычется, а она его лекарствами поит. Друзья говорят: повезло! Мол, такую сговор-

чивую бабу попробуй найди. Оно и так, но Эдика никогда не привлекала серая покорность. Вот Наташка, снайпер их, другое дело. Эдик искал глазами высокую ладную фигуру с красноватым водопадом волос, завязанных в хвост. Огонь-девка. Хорошо, что с ними летит.

И Сашка – тоже. Кореш его. Сколько любовных подвигов на пару совершили, пришла пора подвигов новых.

Повоюем. Зададим жару. Век нас помнить будут.

Он взял стакан из рук Элизы. В её глазах читалась любовь и беспокойство. За него. За всех них.

* * *

– Она словно сошла со страниц романов. Только вначале я считала её Мелани Гамильтон. Все обычно любят Скарлетт, а я всегда восхищалась Мелани, правда, думала, что в жизни таких людей не бывает. Первое впечатление от Элизы: надо же, она существует!

– Вечно ты со своими древними книгами... – Тень театрально вскинула руку, ладонь прошла сквозь сестру.

Ника усмехнулась и продолжила:

– Но потом я поняла, что она – не Мелани. Она – Мизери Стивена Кинга.

– Ты сообразила это гораздо раньше меня.

– А потом... – Ника вздохнула, прикрыла ладонью рот.

– Потом я умер.

Но умер он раньше.

В старом космопорту Мауи-9 их встретили. Свои. Военные с Новой Земли, с Лазурной Гавани, с Первого Причала, даже одно существо с Фиолетового Рассвета выползло. Но ни единого «девятого».

«Усвойте! Жители пострадавшей планеты приветствуют своих спасителей!» Улыбающиеся лица, слёзы радости на глазах, золотистый ребёнок на руках у новоземского воина с улыбкой а-ля «реклама зубного импланта».

Эдик моргнул, отгоняя усвоенное. Посмотрел на реальность.

Дорога на военную базу была безлюдна, золотистые человечки разбегались, едва завидев их аэромобили – чёрные плоские ромбы в небе. Аборигены поспешно запирали двери, захлопывали окна убогих домишек – одно-, двух-, реже трёхэтажных. И так – весь путь. Некоторые дома были полуразрушены, некоторые – лишь с выбитыми стёклами, иногда встречались и сгоревшие дотла. Но больше всё же целых, хоть и убогих, низеньких – высоток здесь, похоже, совсем не водилось. И везде одинаково перепуганные золотистые, спешащие убраться подальше от бронированных аэромобилей. Да и сами аэромобили, как и редкие серебристые аэробусы – подарки Союза Шести, – странно смотрелись на улицах аутентичных городков.

– Чего это они? – Эдик кивнул на стайку детишек, что испуганно сжались в кучку при их появлении.

– Союзников боятся, – пожала плечами Наташа.

– Здесь чипы не работают, вот запахло! – вставил Сашка. – А нас и не предупредили. Как же теперь информацию выбрать без рекомендации?

– Отставить разговоры, – рявкнул капитан Радоев. – Здесь у вас будет только один выбор: стрелять или подыхать.

– «Девятые» так и не согласились на установку на планете Системы Рекомендации Информации, хотя это и входило в условие присоединения к Союзу Шести, – красивым грудным голосом сообщила Наташа.

Она была единственная, кто мог безнаказанно говорить после команды «Отставить разговоры». Эдику, как и прочим, подобного не позволялось, даже несмотря на близкое знакомство капитана с его матерью, Селеной Лапиной.

– Я это перед отлётом усвоила, – продолжила Наташа. – Им федералы мозги хорошо промыли. Страшилок про СРИ нарасказывали. Они и испугались.

Эдик моргнул. Из заявлений Наташи не было понятно – чего же всё-таки боятся золотистые? Федералов или их рассказов о СРИ? Но уточнять не решился.

Он умер в первый же месяц на Мауи-9. Если душа мертва, кому нужна физическая оболочка, верно? Он стрелял, в него стреляли, он расставлял мины и минные растяжки – был лучший в этом деле, нюхом чуял, куда именно ступит неприятель. Интуит. Вот где дар, обнаруженный ещё в детстве, раскрылся. Сколько он пытался найти ему применение – всё тщетно было. Странные ощущения, смутные предчувствия не выливались ни во что осознанное и оставались лишь невнятными образами. Здесь же – чёткое понимание: мину надо ставить именно в этой точке, ни сантиметром дальше, ни миллиметром ближе.

Потом случались короткие передышки – и снова бои. Вроде всё просто и понятно: вот враг, вот цель, но что-то, над чем поначалу не задумывался, не давало покоя...

– Наташа, послушай, – он прижался к женщине под жёстким одеялом, – я одного не могу понять. Спросил Радоева, он матом выругался, трибуналом пригрозил. А я ведь только хотел... Среди федералов же нет золотокожих. Жители Мауи-9 – единственные, кого мы знаем с таким оттенком кожи.

– И что?

– Но с нами воюют они! «Девятые». Золотокожие. Других здесь нет! Только мы и они. Друг против друга. Где же отряды сопротивления, которые на нашей стороне? И где бойцы Федерации?

Снайпер взглянула на него, словно на неразумное существо с Фиолетового Рассвета.

– Маскируются, конечно.

И повернулась на другой бок.

А он открыл почту – на допотопном планшете, прихваченном предусмотрительной Наташей вместо временно бездействующих чипов. Прочёл послания от матери и Элизы. Обе волнуются. Обeim он рассказал про Наташу, с которой делил койку, едва корабль вышел из гиперпрыжка, а они – из анабиоза. Всё равно больше не о чем рассказывать – письма с описанием военных действий не проходили, хоть ты тресни. Оно и правильно – враг не дремлет. И что ответила Элиза на известие о его фронтовом романе? «Как я рада, что о тебе есть, кому позаботиться». Что у неё в голове?.. Или так сильно любит, или дура. Впрочем, на дуру не похожа. Пишет о новой своей разработке. «Тени умерших». Что за ерунда? Такое впечатление, что полписьма стёрто. Какие-то новаторские изобретения в генетике и информационных технологиях.

Ничего не понятно. Спать.

А на следующий день был аэробус. Жители разрушенного за неделю городка с жизне-нерадостным названием Ясно-Утро спешили прочь от пылающих домов. Кто – в соседние, пока нетронутые города, кто – в космопорт, мечтая убраться подальше от ставшей адом планеты.

– Расставь «кузнечиков», рядовой.

На пропускной пункт они приехали за час до прибытия аэробуса. Вокруг – чисто поле... Хотя не такое уж чистое – большую часть сам заминировал. Груда бульжников, изображающих защитную стену, усталые бойцы Союза Шести, молодые пацанята, в основном, не новоземские, в потрёпанном камуфляже. И персональная переносная палатка капитана. Туда его Радоев и вызвал.

- «Кузнечиков»? – мотнул головой Эдик. – Где? Ожидается нападение на беженцев?
- На трассе, в секторе А. Выполнять!
- Но...

Он похолодел. Прикрыл глаза, вызывая картинку трассы, прикидывая расположение мин вертикально-направленного действия, больше известных как «кузнечики» – взлетающих на шесть-семь метров вверх. Стандартный пассажирский аэробус летит на высоте десять метров.

- Но... В этом секторе аэробус идёт на снижение...
- Рядовой Эдуард Лапин, вы получили приказ. Выполнять!
- Я не понимаю, господин капитан.

Радоев приблизился вплотную.

Чёрные усы, чёрные глаза и нелепая татуировка с многоглазой стрекозой на лбу. Отличительный знак их космодесанта. Эдуард Лапин вдруг порадовался, что себе не успел такую сделать, и тут же отмахнулся от неуместной мысли.

– Разве вам, рядовой, обязательно понимать приказы, чтобы выполнять их? – прошипел в лицо капитан.

Рядовой Эдуард Лапин вспотел. Взглянул в лицо командиру, облизал пересохшие губы и всё-таки выдал:

- Погибнут люди.
- «Девятки», ты хотел сказать, рядовой, – презрительно фыркнул капитан и вдруг схватил Эдуарда за грудки. – Ты думаешь, мне легко? Золотистых, говоришь, среди союзников нет? Люди от «кузнечиков» погибли? Мы Союз Шести должны спасти, понимаешь? Что значит несколько жизней по сравнению с безопасностью двадцати с лишним планет?! Выполнять приказ! Иначе самого посажу на «кузнечика». Пошёл!

Он вышел прочь на ватных ногах. У одинокого булыжника распустился цветок с неприспособленным названием и крупными мясистыми лепестками разных оттенков синего – от фиалкового до бирюзового. Только на Мауи-9 такие растут. Рядом стояла Наташа. Красноватые волосы собраны в неизменный хвост, кепка защитного цвета, золотистые глаза. Почти такие же, как кожа тех, с кем мы воюем.

– Наташа...

Она стремительно подошла, положила руки ему на плечи.словно в рекомендованном ти-ви-шоу.

- Знаю. Ты получил приказ. Так надо – чтобы спасти Союз Шести.
- От кого?

Он сам испугался своего вопроса, а Наташа и вовсе отшатнулась.

– Федералы напали на Мауи-9, на Союз Шести, на нас. Но всё оказалось ещё хуже, чем мы думали. Среди «девятых» много предателей. Они воюют против Союза Шести, вот и ответ на твой вопрос о золотокожих солдатах. Ты должен выполнить приказ.

– В этом аэробусе нет солдат!

Тяжёлая рука легла на плечо. Он обернулся. Сашка. Рядовой Александр Снегирь. И с ним ещё двое бойцов из их десанта.

- Идём, друг, – оскалился рядовой Снегирь. – Приказано помочь тебе с установкой мин.
- И ты... Да что с вами?
- Приказ есть приказ, – холодно сказала Наташа.

И он выполнил.

Дальнейшее помнил смутно. Мины сработали точно, когда серебристый эллипсоид аэробуса пошёл на снижение – он, как всегда, не ошибся. Часть людей – «девятых»! «девятых»! – погибли на месте, кто-то выскочил из окна, сломал руки-ноги, кто-то умудрился выжить при падении аэробуса, выскочить, избежать осколков «кузнечиков», броситься в

поле и нарваться на мину там... Тех, кто долго не нарывался, добивала Наташа из снайперской винтовки.

А потом он увидел глаза. Чёрные глаза перепуганного золотистого мальчонки, выглядывавшего из облезлых кустов при дороге. Как остался живым и незамеченным в этом аду, непонятно. Рядовой Эдуард Лапин даже подумать ничего не успел, а тело уже кинулось вперёд, схватило мальчугана и помчалось прочь, через поле. Он знал, что поле заминировано, но также помнил – чувствовал – расположение каждой мины, ведь ставил их сам. И был уверен – погони не будет. Стрелять в спину? Возможно. Но не сразу. Пока опомнятся...

Боль обожгла ногу, потом вторую, острое жало впилось в позвоночник, он рухнул в метре от собственной растяжки, глаза заслонила красная пелена. Темноглазый золотокожий мальчонка прижался к нему и заскулил. Кажется, его не задело. Темно, как же темно, тёплое у бока, детские глаза, где его глаза? Смотреть в глаза.

– Иди, – прохрипел рядовой Эдуард Лапин, нащупав взгляд. – Видишь... тропка... трава слегка... примята... Различаешь? Ступай... по ней... Не сворачивай... Чётко... Ступай.

Дошёл или нет – он уже не увидел.

– Как надоели смерти. Нелепые, никому не нужные, – Ника вскочила, зашагала по комнате.

Маленькая, хрупкая, со смешной короткой стрижкой. Отважная.

– Я на всё пойду. Сама умру, лишь бы остановить это безумие.

– Не умирай. Живи. Должен ведь жить кто-то, кто понимает...

Рядовой Эдуард Лапин пришёл в себя на больничной койке, в лазарете на базе. И пожалел, что не умер. Он не мог пошевелить ни ногой, ни рукой, позвоночник перебит качественно. Наташа – меткий стрелок, профессионал в своём деле, как и он. На этом их сходство заканчивалось.

– Ты трус! – процедила ему Наташа в единственный свой визит. – Жалкий трусливый раб. Ты предал наше дело, пожалел врага. Видеть тебя не желаю.

– Тебе повезло, – сказал рядовой Александр Снегирь, – ПВС у тебя признали, а иначе сразу бы под трибунал. А ещё капитан сказал, что на тебе репортаж хороший сделали для усваивания. Так что повезло вдвойне. Чего смотришь, будто не узнаёшь? Это же я, Сашка...

Он отвернулся. А вскоре его отправили домой.

– Не вздумай высовываться, рядовой, – отрезал напоследок капитан Радоев, и стрекоза на его лбу нервно дёрнулась. – Дома для всех ты герой. Пока ещё живой, а не тень героя, понял? О матери подумай и о сестре, усвоил? Селене скажи, я всё, что мог, сделал.

Чип заработал, едва он ступил на Новую Землю. Ха-ха, «ступил» – это громко сказано. Его – парализованного, привязанного ремнями к каталке – выкатил электронный медбрат корабля. И тут же...

«У вас одна тысяча двадцать четыре неусвоенных материалов. Отсортировано по свежести и важности. Особо рекомендовано! Усвойте!»

Лицо. Его собственное перекошенное лицо, и черноглазый мальчишка, прижатый к груди. «Отважный боец Союза Шести спасает ребёнка Мауи-9 от захватчиков Федерации, несколькими минутами ранее расстрелявших аэробус с беженцами. Все беженцы погибли».

Он корчится на минном поле, глаза навывкате, горло хрипит.

«Боевики Федерации едва не убили нашего героя, спасшего мальчика-беженца. Вражеский снайпер прятался в кустах...»

Мальчик. Спасшего... Спасся! Спасся!.. Сюжет закончился, начался новый.

«Особо рекомендовано! Усвойте!»

«Новое изобретение генетического отдела Корпорации, возглавляемого Элизой Хорни, поможет пережить горечь внезапной утраты. Проект «Тени» вернёт вам дорогого человека хотя бы на время, позволит попрощаться с теми, кого отобрала у вас Федерация, сказать всё, что не успели, и медленно свыкнуться с мыслью о потере».

Эдуард с трудом вынырнул из информационного потока, мотнул головой. Ну и бред. Одно бредовее другого. Хорошо, что лежу, а то бы упал...

И бросил сообщение Элизе: «Забери меня».

– Я не мог показаться матери в том состоянии. Это убило бы её на месте. Я... так думал тогда.

Сестра взяла его ладонь в свои. Она приловчилась складывать ладони так, что получалось почти настоящее прикосновение. Невесело усмехнулась.

– Знаешь, мама никогда не хотела делать тебя тенью. Говорила: если Эдичек вдруг погибнет, я буду помнить его живым, а не непонятно каким, полупрозрачным. Другие матери смотрели на неё, словно на говорящее существо с Фиолетового Рассвета.

Он вздохнул. Мать спокойно пережила известие о его ранении, не впала в истерику – как он боялся – при виде сына, распростёртого на кровати, уже, правда, прооперированного и с действующими руками. Ника рассказывала, что и известие о его смерти она перенесла стоически. Но когда увидела тень...

– Кто же знал, что мой спаситель станет моим палачом? И не только моим. Всей семьи.

Элиза бросила на его лечение все силы. Как ведущий врач Корпорации и руководитель отдела генетики, задействовала все доступные ей средства, привлекала лучших специалистов. Под её чутким руководством ему сделали три операции, но до конца он так и не восстановился – выращенные специально для него нервные волокна повели себя непредсказуемо. К рукам и верхней части тела чувствительность постепенно возвращалась, а ноги по-прежнему оставались бесполезными отростками. И боли в позвоночнике до конца не прошли. Но, по крайней мере, он жил.

Из госпиталя Элиза забрала его в свою квартиру – просторную, в центре главного Мегалополиса Новой Земли. Она отказалась от мысли нанять медсестру, а уж тем более подключить сиделку-автомат. Вместо этого взяла бессрочный отпуск, чтобы ухаживать за ним, – благо её сбережений и его «бонусов героя» хватало года на три спокойной жизни. Она вставала к нему ночью, когда он орал от болей, делала уколы, каждые два-три часа переворачивала с боку на бок, обтирала вспотевшее тело влажными салфетками, кормила с ложечки, меняла под ним простыни-памперсы, пока его руки достаточно не окрепли, чтобы делать всё это самому...

И любила. Каждый её взгляд, каждый вздох говорил о том, что Элиза беззаветно его любила. И они оформили брак, сделав Элизу официальным его опекуном. Мать с сестрой, к его удивлению, навестили Эдуарда лишь раз – в госпитале.

Со временем молодожёны даже сексом заниматься приловчились, благо интим-индустрия во все века процветала.

Впрочем, было нечто, что волновало Эдуарда Лапина больше, чем брак и личная жизнь, и даже больше, чем ставшие редкими, но всё ещё сильные боли. Он научился отрешаться от бесконечно лживого информационного потока: «Усвойте! Наши герои освободили очередной городок от злобных федералов-захватчиков», «Усвойте! Захватчики совместно с предателями-«девятками» расстреляли детскую больницу» – и плевать, что следы на стене больницы могли оставить только снаряды новейшего оружия Союза Шести...

Но отрешиться мало – он искал правду.

Никого из их десанта эта война не насторожила, все продолжали, как заведённые, талдычить усвоенное. Но ведь должен быть хоть кто-то, кроме него, кто понял... кто знает... кто может объяснить... Слегка оправившись, он рыскал по глубинам Сети, собирал крохи информации.

Вот, например («рекомендация ниже среднего»): среди бойцов пятого космодесанта участились случаи ПВС, которые закончились массовыми самоубийствами. А ему ведь тоже ПВС приписывали...

Или вот («к усваиванию не рекомендуется»): корабль с ветеранами, находившимися на Мауи-9 с первых дней военной операции, затерялся в глубинах космоса. Вылетел с «золотой» планеты и... растворился. Даже осколков не обнаружено. Конечно же, обвиняют Федерацию, но Эдуард понимал – не всё так просто. Ветераны могли бы многое рассказать.

А вот...

«Внимание! Категорически не рекомендовано!»

...форум Вернувшихся с Мауи-9...

«Крайне ненужная информация! Вредная. Мусор!»

...«Зайти на форум».

Фонтан боли разрывает мозг, Эдуард хватается за виски, катится по кровати, падает на пол, стискивает зубы, царапает пальцами ковёр, зелёный пушистый ковёр Элизы.

Форум Вернувшихся захлопнулся. Боль отступила.

«Рекомендовано! Для снижения стресса прослушайте расслабляющую песенку: „Вот те раз, вот те раз – тебя смыло в унитаз“!»

«Рекомендовано! Позитивные новости из зоны боевых действий на Мауи-9. Наши герои одержали очередную победу. Усвойте!»

«Рекомендовано!..»

К чёр-р-р-рту!

Ему нужна информация. Элизы дома нет – редкий случай, но он знает, где хранятся морфий. Подтянуться на руках, отползти от кровати – к бару, в другой конец комнаты. Там аптечка. Подтянуться. Дотяну-у-уться! Пальцы цепляют полупрозрачный пластиковый бокс с лекарствами, он падает на пол – Эдуард едва успевает откатиться, но бокс задевает щеку, та загорается огнём. Неважно. Шприц, ампула.

Он должен попасть на форум.

Второй раз боль была сильной, но терпимой. Интересно, остальные так же сюда попадают? Посредством морфия? Или чего посильнее?

Архив форума.

«На Мауи-9 обнаружены залежи ценных пород, неизвестных науке...»

«Федерация или Союз Шести – к кому присоединится Мауи-9?»

«Жителям Мауи-9 обещана полная автономия в составе Союза Шести планет».

«Почему планет более двадцати, а Союз по-прежнему Шести планет?»

«Правительство Мауи-9 отказалось от введения повсеместной Системы Рекомендации Информации».

«Жители «золотой» планеты отказываются переезжать из своих городов, что затрудняет добычу породы. Из-за отказа от СРИ их практически невозможно переубедить...»

«Накануне четвёртого юбилея Мауи-9 хочет выйти из состава Союза Шести».

«Правительство Федерации беспокоится за безопасность «золотокожих»...»

– Милый! Милый, что с тобой?

Зажужжали, закрываясь, двери, посыпались на пол магнитные карточки-ключи. Элиза бросилась к нему, опустилась рядом.

– Как ты здесь очутился? – Она взглянула на осколки ампулы. – Морфий? Что случилось? Я же на пару часов всего вышла...

Она подхватила его подмышки, шелковистые чёрные волосы скользнули по лицу Эдуарда, обдали приятным запахом миндаля и перво-причального тюльпана. Элиза дотащила его до кровати, уложила в постель.

– Элиза, всё ложь, вокруг нас ложь. Нас одурачили, вдолбили в голову полную хрень, а мы пошли убивать. Недоумки. Котята слепые. Даже существа с Фиолетового Рассвета разумнее нас. Да послушай же!

Элиза слушала, кивала и улыбалась. Почти все их разговоры сводились к тому, что она слушала, кивала и улыбалась. Удобно – с одной стороны. Но сейчас ему нужен толковый собеседник, а не услужливое поддакивание. Он едва дождался, пока Элиза прекратит кудахтать, убедится, что с ним всё в порядке, и оставит в покое.

А после кинулся рассылать сообщения всем подряд – боевым товарищам, знакомым по учёбе, сестре. Мать беспокоить не стал. Многие контакты оказались заблокированы, другие просто не ответили, от сестры пришла странная фраза: «Я уже не заноза в заднице?»

– Она нас к тебе не подпускала. С тобой невозможно было связаться...

– Она на какое-то время переключила все мои контакты на себя, говорила, так необходимо, пока я не восстановлюсь.

– А нам заявила, что ты не хочешь нас видеть. Я не поверила, приехала сюда, но она меня и на порог не пустила. Уверяла, это ты велел меня прогнать, назвал занозой в заднице. И улыбалась при этом... Словно глыба ледяная улыбнулась. Или василиск древний. Я ей не поверила. Вернулась ещё раз. Тогда меня не пустили даже в здание. Охранник сказал – твой приказ.

– Бред. Она всех так распугала. А я ничего не замечал. Сначала из-за боли. Потом весь ушёл в поиски правды о войне. Я копал и копал, делился с ней, но Элизу это не интересовало. Её вообще ни черта не интересовало, кроме проклятых теней и... меня. Впрочем, я тоже не слушал её рассказов о проекте «Тени». А зря...

К тому дню, когда прикатила робомедсестра, он уже многое выяснил. Союз Шести развязал эту войну даже не ради некой ценной породы, большей частью – чтобы спровоцировать Федерацию перед межпланетным сообществом. Федерация же, несмотря на громкие обещания защитить жителей Мауи-9, реальную помощь оказывать не спешила, поддерживала золотокожих бойцов ровно настолько, чтобы их не смели с лица планеты. Два космогиганта решали свои проблемы, и не было им дела ни до разрушенной планетки, ни до полуманных судеб простых солдат вроде него.

Он собрался поделиться размышлениями с Элизой – пусть хоть кивнёт в ответ, и то хлеб, но тут зажужжали двери, и в комнату вкатил зеленоватый цилиндр, сообщил что-то о плановом квартальном обследовании и велел дать руку. Он закатил рукав рубашки, всё ещё витая в своих мыслях. Рядом топталась сконфуженная Элиза. Эдуард вдруг взглянул на неё, как... как в первый раз. Бледная кожа, тёмные большие глаза, чёрные волосы разметались по плечам. Она выглядела такой юной. И уставшей.

«А ведь она, считай, похоронила себя в этой квартире».

Эдуард успел подумать, что надо бы хоть чем-то её порадовать, как в вену впиалась игла. И он заснул.

А проснулся в аду.

У него больше не было тела. Но была память. Он избавился от боли, но вместе с ней ушла и жизнь. Он больше не был привязан к кровати, мог свободно передвигаться по комнате, по квартире, но толку с того? Он больше не был собой, он стал... тенью?

– Что ты сделала? Что! Ты! Со мной! Сделала?! – Он бросился к Элизе, к своей жене, своему ангелу-хранителю, а та сидела в кресле и невозмутимо наблюдала за его метаниями.

Как он выглядит со стороны? Эдакий полупрозрачный призрак из тупого ти-ви? А в зеркале отразится? Метнулся в прихожую, к зеркальным дверцам гардероба. Ох! Лучше бы не отражался.

– Что ты сделала?!!

– Ты был мёртв, – глухо заговорила Элиза. – Твоё ранение... Мы так и не вылечили его до конца. А я не смогла бы без тебя.

Он взвыл. Заметался по квартире, пролетая сквозь стены. А можно на улицу? Вдохнуть свежего воздуха впервые за... Ладно, не вдохнуть. Просто ощутить свободное пространство. Он кинулся к балкону, но нарвался на невидимую преграду.

– Ты не можешь выйти без меня. Ты завязан на мне, на мой чип. Все тени...

Тени... Тени! Оу-у-у-у-ы-ы-ы!

– Замолчи! Не хочу ничего слышать. Оставь меня.

Он метнулся к потолку, забился в угол, за навесным горшком с модифицированной лианой, она шевелилась и расползалась по комнате. Гадость. Так. Успокоиться. Вспомнить всё, что он слышал о проекте «Тени». Создан из-за внезапно большого количества погибших на Мауи-9. Первым бойцам обещали, что они едут едва ли не на курорт, вернуться скоро, с лёгкой победой и вечной славой. «Тени умерших» – синтез новейших информационных и генетических технологий. В зависимости от глубины душевной травмы родных, «тень» создаётся на срок от недели до шести месяцев. Интересно, какой срок дали Элизе?

– Эй! Когда это закончится? Сколько мне здесь торчать? Неделю? Месяц? Полгода?

Элиза встала с кресла. Свела брови.

– Я не понимаю. Обычно тени ведут себя спокойно, облегчают участь родственникам и жёнам. Это прописано в программе.

– Ты не ответила на вопрос!

– Мне, как ведущему разработчику проекта, разрешили оставить тебя навсегда. Пока я жива, будешь существовать и ты. Мы будем вместе. До конца.

Казалось, его крик сотряс стены. Но Элиза даже не поморщилась.

Три дня он бесцельно метался по квартире на глазах у изумлённой Элизы. Бился бы об стены головой, если б мог. Завывал бы ночами, не будь это так пошло – воющий призрак.

Нет. Не выть и не биться. Успокоиться. Выход. Искать выход. Если он подключён к чипу Элизы, должен быть способ отключиться или хотя бы переключить, уменьшить срок... как-нибудь. Стояла глубокая ночь, Элиза спала. Он примостился рядом с ней на кровати и вдруг отчётливо услышал пульсацию. Словно стучало его сердце, только находилось оно... в голове у Элизы. Чип! Он ощущал его, как часть себя. Чип звал, манил его, как Источник жизни. И он услышал бы его раньше, не бейся в истерике. Он сосредоточился, нащупал невидимую «пуповину» и нырнул сквозь мириады нейронов к Источнику.

Информация навалилась на него сотней разнообразнейших образов. Понадобилось немалое усилие, чтобы вычленил из них один – «Эдуард».

«...быть с ним быть с ним быть с ним...»

...восстановление позвоночного столба с помощью генетических технологий, частичное восстановление, дефект выращенных волокон... запрограммировать дефект...

...он мой он мой он мой...

...никто к нам не войдёт – покоя не испортит – никто не нужен нам – он мой он мой он мой...

...хотят забрать его – куда не надо влез – отдать его? – но он уйдёт без боли – хотя бы так – потом ко мне вернётся – навсегда – он мой он мой он мой...

...что-то не так, она где-то просчиталась, он мыслит и много, в программе ошибка, коррекции не поддаётся – на такой долгий срок теней ещё не делали, но разве она могла иначе?

...что я наделала? неважно, я их умнее, никто не узнает, отчёт будет чистым, главное – мы вместе, навсегда, он мой, и он – привыкнет...»

Он вынырнул из Источника, отпрянул от кровати, где спало... это существо. Если бы тень могло стошнить, его бы вырвало. Метнулся к ненавистой лиане, затрясся всем прозрачным телом. Он сможет скинуть горшок ей на башку? На вид тяжёлый. Бах – и всё закончится. Для обоих. Сосредоточиться и... Нет, лучше не так. Он вытрясет из неё признание, расскажет обо всём, что увидел в её чипе и... Нет, не так. Он не скажет ничего. Не выдаст такой козырь. Он поступит иначе.

Днём он потребовал свидание с родными. Так и сказал: «свидание». И захохотал в ответ на ледяное: «Ты не в тюрьме».

«Значит, выпусти меня». – «Ты – аномалия. Все остальные были благодарны за лишние дни жизни». – «Что ж, отключи меня». – «Ты отключишься с моей смертью».

Она не врала.

– Бедная мама. Когда она увидела тебя...

– Я жалею, что позвал вас обеих, а не тебя одну. Жалею и о многом другом. Об убитых на Мауи-9. Кого мы убивали? Тех, кто нам доверился. Это не у них «девятая планета», это все мы – в девятом круге.

Ника печально улыбнулась.

– Ещё одна древняя книга.

– А здесь – моя персональная льдина, в которую я вмёрз.

Мягкий толчок сообщил о завершении передачи данных – с чипа Элизы на Никин чип, в особую «незримую» секцию.

– Готово, – Ника поднялась, тронула рукою полупрозрачное плечо. – А за ней, судя по всему, скоро придут...

– Тогда тебе пора уходить. Из этой квартиры, из Мегалополиса...

– Без неё и тебя не станет.

– Мы это уже обсуждали.

– И всё-таки, если ты передумал, я ведь теперь знаю, как это делается. Только скажи.

– Не передумал. За свою жизнь я натворил разное – и плохое, и, надеюсь, хорошее. За последние полгода, благодаря доступу к чипу Элизы, мы узнали и научились многому; теперь тебе и нашим друзьям из Вернувшихся не составит труда донести правду до людей – и о войне, и о Союзе Шести.

Он помолчал, мотнул головой.

– Она ведь знала. С её уровнем доступа к информации она знала всё про эту войну и молчала. А самое страшное – ей было всё равно. Её это просто не интересовало. Потому она и не поняла ничего о природе моей аномалии.

Ника закусил губу и ничего не сказала. Молчал и он. Все слова прощания казались пустыми и глупыми.

– Как бы там ни было, за своё равнодушие она заплатит, – заговорила вновь сестра. – Её считают чуть ли не главой ополчения, а она и не в курсе даже. Никому так и не пришло в голову, что сливать важнейшую информацию и спланировать сопротивление способна тень... Может, её и не убьют сразу?

– Чип в любом случае вырубят. Как на Мауи-9. А если нет, побуду ещё немного в личном аду. Днём больше, днём меньше. Главное, дело своё сделал. Всё, что мог в своём положении.

И могу уйти. Наконец-то уйти...

Игорь Вереснев **Погоня за Дестроером**

Девушка была длинноногая, белокурая, голубоглазая, с маленьким ротиком, ямочками на щеках, пушистыми ресницами и чуть вздёрнутым носом.

– Привет! – Она опустилась на соседний шезлонг, смерила меня изучающим взглядом. – Коктейлем угостишь?

Я отложил «Пентхауз», полюбовался её молочно-шоколадным загаром, затянутым в бело-голубое бикини. Хорошо сделано, в меру красиво, в меру сексуально, без нарочитой похотливости. Улыбнулся.

– Легко! Какой предпочитаешь? «Мохито», «Дайкири», «Пина колада»?

Девушка тоже улыбнулась, демонстрируя белоснежные зубы.

– «Голубую лагуну» принеси.

Голос её звучал уверенно, я бы сказал – требовательно. Девушка ждала, что я сорвусь с шезлонга и пошустрю к снэк-бару. Я бы так и сделал, будь я тем, за кого она меня принимала. Но она ошиблась.

Не вставая с шезлонга, я дотянулся до бортика бассейна, макнул пальцы в перегретую жарким тропическим солнцем воду. Ап! И ловко выдернул высокий стакан. Стенки его тут же запотели – кубики льда в голубой жидкости едва начали таять.

– Держи! – Я протянул стакан девушке. – Приятного аппетита.

Маленький ротик раскрылся, розовые губки сложились в букву «О».

– Где... как ты это сделал?

Она осторожно протянула руку, словно опасалась, что стакан – иллюзия. Взяла, рассмотрела недоверчиво. Поднесла к губам соломинку.

– Настоящая «Голубая лагуна», – признала удивлённо. – Только холодный чересчур. У тебя что, трансмиттер с коктейлями где-то спрятан?

– Подогреть? – Я проигнорировал вопрос.

Девушка хихикнула, отрицательно покачала головой. А глаза так и стреляли вокруг. Не иначе, пытается найти «спрятанный трансмиттер».

Мои уши уловили отдалённый гул. Ага, спектакль начинается. Я прикинул остаток коктейля в стакане девушки – успеет допить? По всему выходило – не успеет, «холодный чересчур», не рассчитал я с температурой.

– Ладно, заканчивай, выходи в реал, – посоветовал.

– Что? Куда выходить?

– В реальный мир. Скоро здесь будет весьма неуютно. И больно.

Девушка не поверила, вновь собралась хихикнуть. Но гул нарастал слишком быстро, чтобы игнорировать его, и земля под ногами завибрировала.

– Смотрите, смотрите, что это?! – закричали на берегу.

– О боже! Это же...

Девушка повернулась на крики. Губки её опять нарисовали букву «О». Она медленно поднялась с шезлонга.

– Цунами! – кто-то произнёс заветное слово. – Уходите отсюда! Спасайтесь!

Отдыхающие и впрямь принялись собирать вещи, одеваться – медленно, неторопливо. Люди не хотели верить собственным глазам. Боялись поверить.

– Уходи в реал, быстро! – повторил я девушке. Покосился на приближающуюся к берегу тёмную полосу. – Через пять... через три минуты от этого отеля ничего не останется. Здесь будет ад.

Девушка молчала, смотрела на меня так, будто не понимала, о чём я говорю. Рука, державшая стакан с коктейлем, задрожала. Вокруг начиналась суеда, паника, люди покидали пляж. Вот один перешёл на бег, второй. Идиоты! Надеются укрыться за стенами отеля от тридцатиметровой волны, несущейся со скоростью экспресса? Спасение совсем в другой стороне.

Стакан со звоном разбился о плитки, холодная жидкость брызнула мне на босую ногу. Девушка развернулась, побежала, смешалась с толпой. Я пожал плечами, подумал, не сделать ли и себе коктейль напоследок? И внезапно услышал за спиной:

– Так это ты – Дестроер?

Меня пробрало холодом от неожиданности. Резко обернулся... Никого, лишь тень бывшего здесь миг назад человека. А затем тысячетонный водяной молот ударил по мне, и я перестал существовать.

Я съехал с шоссе на обочину, заглушил двигатель. Открыл дверцу, выбрался из машины. Неспешно подошёл к обрыву, огороженному металлическим канатом. Отличное место. Лежащий в долине между двумя горными кряжами городок – как на ладони. Вечерело, в городе уже светились окна домов, на улицах зажигались фонари, разноцветная иллюминация витрин и рекламных щитов. Эдакая картинка из прошлого, когда жизнь для большинства людей была проста и понятна.

Я услышал шорох шагов неподалёку. Под обрывом раскинулся то ли лес, то ли парк, и оттуда по крутой тропинке к шоссе поднимался человек. Девушка. Спортивный костюм, кроссовки на ногах, в ушах наушники плеера. Вечерняя бегунья. Я приветливо помахал рукой, улыбнулся. Девушка скользнула по мне взглядом. Белокурая, длинноногая. Что-то в её лице мне показалось знакомым. Словно встречал недавно.

– Добрый вечер! – поприветствовал, когда она поравнялась со мной. – Приятной пробежки!

– Спасибо, – поблагодарила она. Остановилась, обернулась к обрыву. – Любуетесь городом?

– В некотором роде. Прикидываю, как лучше уничтожить ваш завод.

– Завод? – Девушка нахмурила лоб. – Какой завод?

– Вон тот. Нефтехимический, если не ошибаюсь, – я указал на панораму внизу.

Пушистые ресницы широко распахнулись. Девушка попятилась от меня, быстрее, быстрее. Развернулась, рванула прочь. Я не собирался её удерживать. Пусть бежит, кто знает, вдруг сегодня спасётся? Я вспомнил, где видел её – у отеля, разрушенного цунами. Не её, разумеется. Но внешности им явно лепили по одному шаблону.

Убежать девушке было не суждено. Чёрная полицейская машина выскочила невесть откуда, взвизгнула тормозами, рывкнула динамиком:

– Оставаться на месте, не шевелиться!

Я выругался с досады – не вовремя, мне бы ещё минут пять, чтобы связать воедино ниточки и потянуть... Лучше десять. Самое обидное – всего два часа, как я догрузил себя в этот мир. Так быстро засекли коннект или это случайное совпадение? Я метнулся в сторону, и тут же от машины захлопали пистолетные выстрелы. Поздно! В руках у меня уже был гранатомёт.

Взрыв бензобака разнёс полицейскую машину в клочья. Куски металла горячим дождём посыпались вокруг меня, пламя дохнуло в лицо, опалило брови, волосы, заставило зажмуриться на секунду. Впрочем, эту секунду я потратил не зря – превратил гранатомёт в автомат. Когда открыл глаза вновь, понял – стрелять не в кого. Дымящееся колесо катилось в мою сторону. Стукнулось о канат ограждения, упало набок.

Девушка-бегунья лежала на полпути от меня к полицейской машине. Я поднялся на ноги, невольно скривившись от боли – ушиб колено, когда падал, – подошёл к ней, наклонился. Осколки пробили девушке грудь, разорвали живот. Но она была ещё жива. Не исключено, что её можно спасти – если немедленно доставить в реанимацию. Однако в ближайшие дни всем реанимациям округа и без того забот хватит. Я ощутил, как начинает дрожать земля под ногами.

Теперь, рассматривая девушку так близко, я окончательно убедился, что она похожа на свою предшественницу. И ещё кого-то она мне напоминала. Давно знакомого и почти забытого.

Веки раненой задрожали, приподнялись. Девушка увидела меня, шевельнулась, попыталась что-то сказать. Просила о помощи? Не смогла, только кровавая пена запузырилась на губах. Смешно, насколько крепко люди держатся за иллюзию.

– А ей ведь очень больно, Дестроер.

Я резко обернулся. У обрыва, на том самом месте, где меня застукал полицейский патруль, стоял человек. Чёрный кожаный плащ до колен и такие же чёрные волосы, только виски серебрятся сединой, лицо изрезано морщинами, – незнакомец был не молод. От немедленного выстрела меня удержало то, что оружия в его руках не было и он их не прятал в карманы.

– Если не хочешь её спасти, хотя бы прекрати мучения, – незнакомец пристально смотрел на меня.

– Нет. Они слишком заигрались. Приходится делать им больно снова, снова и снова. Чтобы заставить вспомнить, где они находятся.

– А ты сам помнишь?

Я засмеялся.

– Ты что, из спецслужб? Типа переговорщик? Ну, и где твои коллеги? Опаздывают? А хочешь, скажу тебе кое-что страшное? – Он молчал, продолжая разглядывать меня, и я объяснил: – Ты напрасно теряешь время. Больше того, ты его уже потерял! Советую немедленно отключаться.

Земля под ногами содрогнулась так, что я едва не потерял равновесие. Новорождённый вулкан пробил себе путь к поверхности как раз там, где недавно находился нефтехимический завод. Поздний вечер разом сменился ярким солнечным полднем – огненное солнце полыхнуло над городком, над долиной. Незнакомец что-то закричал мне, но крик утонул в грохоте извержения. Я не переспросил, лишь засмеялся. Дело сделано, задерживаться смысла нет.

Обрывать конект я люблю красиво и эффектно, потому чуть подправил траекторию вылетевшей из жерла вулканической бомбы. Двухтонный раскалённый докрасна булыжник превратил в ничто, в воронку, меня, умирающую девушку, остов патрульной машины. Незнакомец исчез за секунду до падения бомбы.

Поля спелой пшеницы расстились здесь от горизонта до горизонта, словно золотисто-жёлтое море. Лишь поодаль зеленели островки-фермы да поднимались маяки водонапорных башен. И уж совсем далеко угадывалась тёмная полоска городка с цитаделью-элеватором. Но здесь, на перекрёстке просёлочных дорог, я был один. Никто и ничто не мешало мне готовить очередной спектакль.

Налитые спелой тяжестью колосья клонились к земле, в бледно-голубом, будто выцветшем небе свистел жаворонок, солнце не проделало и половины пути до зенита, но палило немилосердно, соломенная шляпа не помогала. Я снял её, вытер пот со лба. Отцепил с ремня флягу, сделал плоток. Вода успела нагреться за те без малого три часа, что я провёл здесь.

Я вернул на место флягу, затем шляпу. Посмотрел на городок с элеватором. Пожалуй, пешком далековато. Рассчитывал на приятную прогулку, но не учёл солнцепёка. Впрочем, солнцепёк ненадолго, спектакль вот-вот начнётся.

Первый порыв ветра прокатил волну по пшеничному морю, закрутил пылевой смерч на просёлке. В небе всё так же светило солнце, пел жаворонок, но с севера уже напознала иссиня-чёрная туча. Предчувствуя скорый ливень, ласточки носились над самой землёй.

Над дорогой закурилось облако пыли – ярко-лазорева малолитражка неслась во все свои небогатые лошадиные силы. А ведь нам по пути, прикинул я. И поднял руку с оттопыренным большим пальцем. Если здесь играют по правилам, должны подвезти. Пейзане – люди душевные и доверчивые.

Машинка остановилась.

– Залезайте скорее! – поторопила сидевшая за рулём женщина, едва я открыл дверь. – Видите, какая туча?

Ждать повторного приглашения я не стал. Плюхнулся на сиденье, и малолитражка лихо рванула с места.

В салоне было в меру прохладно – кондиционер работал исправно. Но вовсе не от смены температуры меня прошиб озноб. Водитель походила на бегунью и любительницу коктейлей, точно старшая сестра. Те же светлые волосы, маленький рот, ямочки на щеках. Возможно ли такое совпадение? Неужели этот образ так популярен? Впрочем, имелись и различия. И главное из них – не возраст этой женщины, а её вполне заметный животик. Она была на седьмом, а то и восьмом месяце беременности.

Женщина заметила, что я её разглядываю, улыбнулась.

– Вы, случайно, не в нашу коммуну направляетесь?

– Именно в вашу.

– Здорово! Тогда давайте знакомиться. Я – Лиза, а вас как зовут?

– Дест.

– Необычное имя. Вы, наверное, издалека приехали?

– Очень. Из другого мира.

Женщина широко распахнула ресницы, хихикнула и стала ещё сильнее походить на своих «сестёр». Ей было любопытно услышать мою историю, потому я начал рассказывать.

– Когда-то мой мир очень походил на этот. Люди строили дома, выращивали пшеницу, добывали руду, уголь и нефть, выплавляли металлы, изготавливали самолёты и зубочистки, устраивали революции и войны, свергали одних правителей и возвеличивали других. В общем, жили так, как привыкли за тысячи лет существования цивилизации. Иногда богаче и комфортней, иногда беднее и тяжелее. И всегда, во все времена, люди мечтали о сытом и праздном будущем. Но никто не ожидал, что будущее наступит вдруг, в один день.

Началось с того, что некий умник изобрёл квантовый преобразователь реальности. Я не физик, не возьмусь объяснять досконально принцип его работы. Соль в том, что виртуальные частицы квантового вакуума более подходящий материал для машин, домов и бифштексов, чем металл, кирпич и говядина. А главное, материал этот неисчерпаем и практически дармовой для того, кто имеет к нему доступ. Себестоимость любой вещи – это цена её математической модели. Матмодель новой «Хонды» стоит двести тысяч евро. Дорого? А если сделать тысячу таких «Хонд», сколько будет стоить одна? Матмодели бигмака и чизбургера дороже – десять миллионов. А если сделать сто миллиардов бигмаков, во сколько обойдётся один? Почти даром! Софтверные компании построили спутниковую сеть КИР, накрыли поверхность планеты слоем управляемой реальности, и Золотой век наступил. То, о чём предки и мечтать не могли, на потомков посыпалось, словно из рога изобилия.

Но вскоре в этом раю обетованном обнаружился один изъян – человек. Из восьми миллиардов населявших мой мир людей семь оказались лишними. Они привыкли зарабатывать

себе на жизнь исключительно руками, а с ручной работой вышла незадача. Материальным производством теперь занялись не строители, металлурги и фрезеровщики, а информ-аналитики, программисты и администраторы массивов данных. Хоть авиалайнер, хоть туалетная бумага изготавливаются по одной простой схеме: составляется математическая модель вещи, затем она преобразовывается в массив логических кубитов трансмиттера, затем каперной сети даётся команда на декогеренцию. И вуаля – вещь переходит в локальное состояние! Всё, что можно смоделировать, можно создать.

Разумеется, набить желудки семи миллиардам бездельников труда не составило. Куда тяжелее было уничтожить их свободное время. Праздность и невостребованность – опасный коктейль. Семь миллиардов не хотели ощущать себя лишними в новом мире. Они могли задать семь миллиардов ненужных вопросов. От них требовалось избавиться.

Транснациональные софтверные корпорации знали, как решить эту задачу. Для сытых бездельников они создали виртуальные миры внутри своих квантовых компьютеров. Ничем не отличающиеся от мира реального. Вернее, отличающиеся единственным – там никто не был лишним, каждому находилась работа по душе и способностям. Семь миллиардов ушли в виртуал, поменяв реальную жизнь на иллюзию.

Женщина за рулём поёжилась.

– Какой страшный у вас мир получился. А что было дальше?

Я хотел ответить, что «дальше» у моего мира пока нет. И не будет, если ничего не предпринимать. Потому что в виртуальных мирах люди и размножаются виртуально. Но я не успел – в шум автомобильного двигателя вплёлся новый звук. Стук вертолётных винтов.

Я быстро опустил стекло на дверце, и стрекот сразу стал громче. Чёрный вертолёт шёл прямо на нас.

– Что там такое? – спросила водитель. И громко охнула. Просёлок впереди перегородили четыре патрульные машины, не оставляя никакой возможности проскочить. Стволы автоматов и гранатомётов, нацеленные на нас, ждали команду «Огонь!».

– Убирайся, быстро! – скомандовал я женщине, хватаясь за руль. – Нравится рожать, так рожай по-настоящему!

– Что?! Куда?

Она попыталась затормозить, но я столкнул её ногу с педали.

– В реал! Я не дорассказал: мой мир называется «планета Земля». Он и твой тоже!

Я перегнулся через неё, распахнул дверцу с водительской стороны, сильно и резко толкнул, выпихивая с кресла.

– Что вы... А!

Она вывалилась из машины, и я тут же крутанул руль. Малолитражка описала окружность, чуть схватила обочину, подпрыгнула на ухабе, и я выжал газ. Да, я понял, что там был за ухаб. Но я слишком спешил, чтобы осторожничать.

Зазвенело и рассыпалось заднее стекло, лобовое покрылось сетью трещин – полицейские стреляли мне вдогонку. Ерунда, далеко. И у меня есть фора, чтобы они не догнали чересчур быстро.

Пшеница вдоль обочины разлетелась в клочья, просёлок взорвался пылевыми гейзерами. А вот это серьёзней – вертолётные пулемёты включились в дело. Я завертел руль, заставляя малолитражку выписывать петли от обочины к обочине, словно заяц. Рассуждая логично, выбросить заложницу из машины – явная глупость. Но здесь белобрысая была не заложницей, а помехой. И я не изверг, чтобы мучить её сверх необходимого.

Крупнокалиберные пули ударили в багажник, в крышу, разворотили пассажирское кресло. Машина пошла юзом, и стоило труда удерживать руль, вернуть власть над ней. Я гнал навстречу чёрной клубящейся туче. До спектакля оставались считанные секунды.

Реактивный снаряд вонзился в землю в метре позади машины. Малолитражка взмыла в воздух, сделала кульбит, приземлилась на капот, на крышу, сминая салон, разбрызгивая остатки стёкол, кувыркнулась, опрокинулась набок, замерла. Я выбрался из неё, упал в вытопанную, перемешанную с землёй пшеницу. Внутри всё болело. Интересно, сколько рёбер сломал? И лодыжку вдобавок. Булькал из пробитого бензобака бензин, жирным вонючим пятном расплзался по земле, подбирался к ногам. Сил, чтобы отползти, не было. Да и не важно.

Вертолёт развернулся и снова летел в сторону перевёрнутой машины. Заметили меня, поняли, что жив, – у дула пулемёта заплясал огонёк... и исчез во вспышке, куда более яркой.

Бело-огненный столб перечеркнул мир, соединил чёрную тучу и золотое поле. Нет, до поля он не дотянулся самую малость, наткнулся на железку, молотящую воздух винтами. Гром и взрыв соединились в одно. Чёрные ошмётки разлетелись в стороны, посыпались огненным дождём в сухую пшеницу. Второй разряд угодил в колонну патрульных машин – я не видел, в какую именно из них, – огненный гриб вспыхнул над полем, разбросал алые споры в благодатную почву. Гроза началась раньше времени, не дотянула до городка-коммуны. Но пшеничное поле она выпалит дотла.

– Ей больно, Дестроер. До сих пор больно.

Я повернул голову, догадываясь, кого увижу. Незнакомец одет был не по сезону – в том самом кожаном плаще. Стоял у воронки, смотрел мне в глаза.

– Кто ты такой, чёрт тебя побери?!

– Кто я – не суть важно. Главное для тебя – понять, кто ты. Женщина не погибла сразу под колёсами твоей машины, но ты убил ребёнка в её чреве. Тебе нравится причинять боль и страдание?

– Да! – Я скрипнул зубами от боли и злости. – Я разрушаю иллюзию, уничтожаю ложь! Боль – лучшее средство для этого.

Следующий грозовой разряд я направил прямо в нас. Точнее, в себя – незнакомец исчез за миг до удара.

Цифровой замок поддался, не привередничая. Я налёг на ручку двери, по возможности тихо сдвинул её в паз. В машинном отделении царствовали полумрак, басовитое урчание и шелест агрегатов, запах металла и смазки, мерцали зелёные и жёлтые огоньки на контрольных панелях. Всё банально и обыденно. Невозможно представить, что над головой, над тонкой титановой скорлупой обшивки – полукилометровая толща океана. Что от исправности этой машинерии зависит не только работа подводного завода, но и само его существование, жизнь обслуживающего персонала.

Я прошёл внутрь, огляделся, выбирая самый уязвимый узел. Блок воздухоочистки и регенерации? Неплохо, но у них наверняка есть кислородные баллоны, успеют провести эвакуацию. Электростанция? Чересчур сложно, несколько контуров защиты. Завод легче взорвать, чем обесточить. Взрывать в мои планы не входило – слишком быстрая смерть, ничего не успеют понять... А вот это – подходяще! Блок управления шлюзами. Впустить океан под купол – давление воды обеспечит заполнение достаточно быстрое, чтобы персонал не успел покинуть завод, но время, чтобы испугаться, у них будет. Испугаться и почувствовать боль.

– Эй, вы кто такой? – внезапно раздалось за спиной. – Что вы здесь делаете?

Я обернулся. В дверях стояла женщина в синем рабочем комбинезоне. Светлые волосы убраны под берет, хмурые складки на лбу, недоумение в голубых глазах. Ресницы уже не казались такими пушистыми, в уголках маленького рта появились морщинки, формы под комбинезоном заметно оплыли. Но это была та самая внешность. Или всё же та самая женщина? Женщина, которую я знал в реале. Очень хорошо знал.

– Как вы сюда попали? – продолжала допытываться она. – Посторонним здесь находиться запрещено.

Четвёртый раз подряд. Таких совпадений не бывает. Это могло означать одно – коннект взломан. Возможно, в реале к моему бункеру уже несутся чёрные машины полицейского спецназа, моё бесчувственное тело уже выволакивают из ванны с термопастой...

Наверное, что-то нехорошее отразилось на моём лице. Женщина попяtilась.

– Я вызываю охрану, – повернулась, бросилась прочь.

Это всё решило. К чёрту мнительность! Найти меня в реале не так-то легко, пусть умники от полиции ещё попотеют.

Я сделал нож. Хороший, удобный метательный нож, как раз по руке. На самом деле я не умею метать ножи, но здесь это не важно. Главное – верить в своё умение.

Нож вонзился ей в шею, выше ворота комбинезона, задел позвонки. Женщина споткнулась, раскинула руки, то ли охнула, то ли икнула, повалилась ничком, грузно стукнувшись об пол. В то же мгновение рядом с ней возник человек в чёрном плаще. Он не старался придать «естественность» своему появлению, просто сгустился из воздуха. Как нож секунду назад. Как я сам несколько ранее.

Незнакомец присел на корточки рядом с женщиной, коснулся её шеи, выискивая пульс, затем тронул рукоять ножа. Кажется, он пытался его вытащить, но отчего-то не смог.

– Жива? – поинтересовался я.

– Пока да. Ты не убиваешь сразу, тебе нужна боль.

– Разумеется. В прошлый раз я объяснял, зачем. Ты... – я запнулся. Если верить внешности, незнакомец годился мне в отцы. И я почти привык к нему. – ...вы долго собираетесь меня преследовать?

– Сколько потребуется, чтобы ты начал думать, а не действовать. Ты спрашивал, кто я такой? Я один из тех, кто создавал сеть КПП. Я руководил сектором квантпрограммирования в корпорации «Навь», в частности, занимался уязвимостями системы. Спустя пять лет после того, как меня проводили на почётную пенсию, я представил руководству компании доклад. Преобразователь реальности – это, фактически, дополнительный модуль квантового компьютера. А тот, в свою очередь, как любой компьютер, может быть заражён вредоносным ПО. Хакерские атаки, попытки взлома трансмиттеров, каперное пиратство начались чуть ли не с первого дня функционирования сети. Естественно, злоумышленники постараются добиться и большего, создание каперного вируса – дело времени. Как думаешь, что сделало руководство с моим докладом? Его положили под сукно. Дескать, угроза заражения КПП слишком уж гипотетическая. Мне ничего не оставалось, как представить доказательства – самому написать подобный вирус. Да, это оказалось сложнее, чем представлялось. Модель-вирус я написал, но опоздал, оказался в роли догоняющего. Мне пришлось пуститься за тобой в погоню, Дестроер.

Он замолчал. Сначала я ждал продолжения, не понимая, к чему он клонит. Потом понял. И не смог удержать смех.

– Вы подозреваете, что я – вирус, сетевой червь?! Что я существую только в виртуальных мирах? Спасибо, повеселили. За это я расскажу вам, кто я такой на самом деле. С одним условием – вы забираете свои слова о злоумышленниках. Мои родители никогда не «умышляли зла», наоборот. Мой отец был независимым журналистом, непримиримым противником создания каперной сети. Он писал книгу о том, чем оборачивается для человечества «квантовый рай»: о бегстве от реальности, последующей за ней деградации, интеллектуальном рабстве. Отец не успел закончить, его убили, застрелили на пороге собственного дома. Естественно, полиция не нашла ни заказчика, ни исполнителя. Убийство не остановило друзей отца, они продолжили борьбу. И борьба сделалась жёстче. Потому что недостаточно сказать людям правду, – нужно заставить эту правду услышать! Их обвинили в капер-

стве, поставили вне закона, но это ложь, они не занимались нелегальной декогеренцией. Группа сопротивления «Явь» разработала шелл-код для альтернативного управления «виртуальными вселенными». Зачем? Чтобы разрушить лживую идиллию, выгнать людей назад в реальность, заставить думать о будущем.

Человек в плаще вдруг улыбнулся, покачал головой.

– Интересная легенда. Однако ты ни разу не упомянул о своей маме. А без этого история будет неполной и твои мотивы невнятные.

Я открыл рот, готовый объяснить ему свои «мотивы». И внезапно услышал – торопливые шаги, бряцанье оружия в коридоре. Охрана бежала к машинному отделению. Вряд ли женщина могла предупредить их о моём прибытии. Значит, экс-программер? И весь разговор он затеял лишь бы тянуть время? Я мог сделать пистолет и расстрелять его в упор. Но я прекрасно помнил молнию и вулканическую бомбу. Он не станет ждать, уж он-то прекрасно понимает, где находится.

Я молча отвернулся к агрегатам. Открыть шлюзы и затопить станцию я не успевал, но что-нибудь более грубое и простое...

– У тебя в запасе двадцать секунд. Вполне достаточно, чтобы вспомнить маму, – окликнул меня программер. – Думаю, сейчас для тебя это важнее, чем убить ещё полтысячи человек.

Я резко повернулся к нему, бросил зло:

– Пошёл вон! Мои воспоминания тебя не касаются!

Он смотрел на меня и улыбался пять секунд. Затем исчез. А в следующее мгновение дверь распахнулась, кто-то из охранников заорал:

– На пол, быстро!

Ввязываться в дурацкую перестрелку я не собирался, выполнять приказ – и подавно. Я экстренно оборвал коннект.

Всё же тип в чёрном плаще задел меня за живое. В этот раз, вернувшись в реал, я поднялся из своего бункера на поверхность – в старый родительский дом. Может быть, это покажется наглостью: устроить лежбище под домом государственных преступников. Но не зря говорят: хочешь, чтобы вещь осталась незамеченной, – положи её на самое видное место.

Дом стоял в дальнем пригороде столицы, в ряду двух десятков таких же заброшенных, ещё строенных, а не декогерированных в один миг из квантовой пустоты особнячков. Я намеренно не поднимал жалюзи на окнах, не протирал пыль, не убирал паутину в углах – дом должен выглядеть нежилым. Он и был нежилым, обитал я десятью метрами ниже, в «секретном» подвале, куда вела лестница из подвала обычного.

Но сегодня я кое-где пыль вытер – на забранных под стекло фотографиях, что украшали стену родительской спальни. На этой – мама совсем молодая, ещё до знакомства с отцом. Сидит в шезлонге на берегу океана, в руке – длинный тонкий стакан с «Голубой лагуной». Здесь – постарше, в спортивном костюме, стоит, прислонившись к металлическому канату ограждения на краю обрыва. А вот – улыбается из окна автомобиля. Видно только её лицо, но я знаю – на фото нас двое, она и не родившийся пока ещё я. И, наконец, последняя её фотография, недавняя, уже в подводной лаборатории, где остатки группы сопротивления нашли убежище. Полицейский спецназ не хотел рисковать с штурмом или пытаться взломать систему управления шлюзами – лабораторию уничтожили глубоководными бомбами. Я в тот день был «в командировке» на суше, потому уцелел. Единственный.

Мне отчаянно захотелось сорвать эти фотографии со стены и растоптать. Моя мама никогда не была аватар-моделью, потому я не мог встретить в виртуале её двойников! Но не это главное – я не знал и никогда не видел в реале эту женщину! Хотя помнил её прекрасно.

Я не порвал фотографию. Я провёл по ней ладонью, «смывая» чужое лицо, пытаюсь «проявить» под ним настоящее. Но единственное, чего я добился, – пустое пятно на фото. На втором, на третьем, на четвёртом... Потому что мир, который я считал реальным, реальным не был!

Я развернулся, ожидая увидеть экс-программера. В доме было по-прежнему пусто.

– Что, думаешь, доказал, убедил? – заорал я в пыльную пустоту. – Это всего лишь взлом коннекта, понял?! И я доберусь до того, кто это сделал!

Я добрался. Создатели ложной реальности оставили кое-какие следы, маркеры. А я – хороший хакер, возможно, самый лучший теперь, после гибели группы «Явь». Я отследил взломщиков моего коннекта и моей памяти. Чтобы получить информацию о руководстве корпорации «Навь», доступ в её главный офис, подробный план здания и необходимое снаряжение для спектакля, мне понадобилась неделя в реальном мире. Мир этот отличался одним от того, в котором я «жил», – в нём не существовало дома моих родителей, дверь из бункера открывалась на городском пустыре, обнесённом забором с предупреждающими табличками, подготовленном для декогеренции очередного центра развлечений. Промедли я ещё неделю, возвращаться в реальность оказалось бы некому...

На верхний, триста тридцать третий этаж хрустальной иглы, пронзающей облака, я поднялся без задержек, хоть пришлось миновать шесть постов охраны, – карта VIP-гостя воистину творит чудеса. Только в приёмной бросившаяся навстречу мне помощница главного босса остановилась в двух шагах, растерянно захлопала ресницами.

– Извините, но вы же не...

– Почему? Может быть, он изменил внешность? – улыбнулся я в ответ. И уверенно направился к двери конференц-зала.

– Постойте, там совещание!

– Я знаю.

Секретарша вскочила было из-за стола и тут же вновь села. Я почти видел, как она жмёт тревожные кнопки под столешницей. Это не имело значения. Последний спектакль будет коротким.

Дверь в конференц-зал оказалась заперта изнутри, но моя VIP-карта была немного больше, чем пропуск, – ох уж эта приверженность софтверов к цифровым замкам! За длинным столом сидели пятеро мужчин – вся верхушка «Нави». Шестая, женщина, нынешний руководитель сектора квантпрограммирования, стояла у демонстрационного экрана. Я едва не захохотал, увидев её наяву. Так вот с кого лепили облик моей «мамы»! Чуть постарше той, что в машине, но моложе, чем в подводном городе. А за стеклянными стенами было яркое солнце, бездонное синее небо и ослепительно белые облака в сотне метров под нашими ногами.

– Что это значит? – сердито уставился на меня президент компании. – Как вы сюда попали?

– О, извините! Я прерву ваше совещание всего на несколько минут, – заверил я. – Хочу узнать, как вы подменили мне память?

– Да кто вы такой?! – повысил голос председатель. А главная программистка уже поняла, ответила раньше меня:

– Это... Дестроер.

Я кивнул, подтверждая её слова. Выражение лиц мужчин за столом начало меняться. Вместо раздражения и возмущения теперь были удивление, страх.

– Послушай, Дест, я объясню, – женщина шагнула ко мне. – В действительности всё не так, как ты думаешь.

О да, в действительности всё было не так. Возможно, её рассказ заинтересовал бы меня. Но тут дверь зала распахнулась, четверо охранников ввалились в зал.

– Брось оружие! На пол! Быстро!

Должно быть, знакомая команда что-то заклинила в моих синапсах. Вместо того чтобы нажать кнопку взрывателя бомбы, прикрепленной у меня на поясе под пиджаком, я сделал то, что делал обычно. Активировал подходящий эксплойт и выхватил из пустоты пару пистолет-пулемётов, отпрыгнул в сторону, под защиту массивного дубового стола и восседавших за ним боссов, выстрелил. Зазвенела, разлетаясь на тысячу осколков, стеклянная стена, боссы попадали на пол, полезли под стол. Охранники попытались обойти меня, вынудить истратить боезапас и затем прикончить. Но я уже всё понял. Я давил и давил на спусковой крючок, разнося конференц-зал в щепы. Мой боезапас пополнялся бесконечно.

Наконец четверо в чёрной форме неподвижно застыли на полу. Я обернулся к боссам. Одному из вице-президентов пуля раздробила плечо, он придерживал руку и тихо поскуливал, но живы были все. Удивления на их лицах не осталось, один страх. Вернее, ужас.

– Дест, я всё объясню! – Программерша решила встать.

– Не нужно, я и так понял. Извините, «мама».

Один пистолет-пулемёт я демонстративно «убрал». И нажал спусковой крючок второго. Я был уверен, что она немедленно оборвёт коннект. Но нет. Алые пятна расплылись на белой блузке, женщина отшатнулась, взмахнула руками. Она стояла слишком близко к несуществующей более стене, чтобы упасть на пол.

Я подошёл к краю, успел увидеть, как фигурка с раскинутыми в стороны руками вонзилась в белое облако и исчезла в нём. Потом посмотрел на боссов.

– Послушайте, любую проблему можно уладить! – просипел вице-президент по связям с общественностью.

Наверное, он был прав. Я так и поступил – нажал кнопку взрывателя. Мощности бомбы хватило, чтобы хрустальная игла «Нави» стала на один этаж короче.

Я стоял на пустыре, на том самом месте, где должен находиться люк моего бункера. Ни люка, ни бункера не существовало. Зато тип в чёрном плаще поджидал меня.

– Вы были правы, я сетевой червь, – усмехнулся я. – Мне не выбраться из виртуальных вселенных в реальность.

Экс-программер покачал головой.

– Ты невнимательно меня слушал, Дестроер. Софтверам не нужны «виртуальные вселенные», им нужны реальные потребители «квантовых благ», покорные и безропотные. Мой доклад не лёг под сукно, как оказалось. Его засекретили и пустили в дело. И создали тебя – самовоссоздающийся интеллектуальный транзиттер, червя сети КПП. Идеального террориста, безжалостного и неуничтожимого. Чтобы оправдать любые урезания свобод, любые ограничения на тайну личной жизни. Чтобы оправдать всё! А «виртуальные вселенные»... они существуют исключительно в твоём воображении.

Мне понадобилась почти минута, чтобы осмыслить услышанное. Холодная испарина заставила передёрнуть плечами.

– Хотите сказать, я убил десятки тысяч людей, искалечил сотни тысяч – в реальности? Почему же вы меня не остановили?!

– О, это задача не тривиальная. Вся сеть КПП заражена тобой. Уничтожение экземпляра червя приводило лишь к тому, что ты восстанавливался в другом месте, уверенный, что произошёл разрыв коннекта. Остановить тебя можно единственным способом...

– Взломать исходный код, – догадался я. – Подсадить в тело вируса другой вирус. Вы – вирус в вирусе?

– Нет, не я. Воспоминания о твоей маме. Они заставили тебя усомниться, начать искать правду. И найти её, в конце концов. Выбраться из иллюзорной «виртуальности» в реал.

Мы снова помолчали.

– Что будет дальше? – спросил я.

– Твои создатели были уверены, что контролируют тебя. Что контролируют сеть КПП и вместе с ней – весь мир. Ты доказал, что это не так. Управляемая реальность чрезмерно сложна для людей.

Он смотрел пристально, словно хотел удостовериться, что я понял его. А мне вновь стало холодно до дрожи, захотелось немедленно разорвать коннект, сбежать в уютную ванну с термопастой. Но теперь я знал – бежать некуда.

Это очень больно – расставаться с иллюзиями.

Дмитрий Лукин Чёрная дыра

Я неизлечимо болен, и для моих коллег это очевидно.

Кто-то смотрит сочувственно, кто-то свысока. Особенно задирают носики девчонки в отделе «Обслуживание частных лиц». Симпатишные, но дюже высокомерные и заносчивые. Я для них – любимая тема. Если больше поговорить не о чем, обязательно мне начинают кости перемывать. Помню, сидят однажды, чай пьют и, подхихикивая, обсуждают мой экстерьер (весь в проводах, в одной руке – паяльник, в другой – отвёртка). Отвели душеньку, посмеялись и дружно пришли к выводу: безнадёжный случай. Я как раз сидел под столом, за которым они чай пили, – копался в роутере на предмет новых протоколов. И почему банковский дресс-код позволяет юбки выше колен?!

Имя моей болезни – честность. Она передалась мне от отца и, скорее всего, передастся моим детям. Пару раз я пробовал излечиться, но ничего не вышло.

Вы можете подумать, что я неадекватный тип, и будете не правы. С мозгами у меня всё в порядке, соображаю я здраво. Другое дело, что толку с этого – по нулям. Болезнь всё девальвирует.

То есть не совсем так... Сейчас-то я богат. Есть и хата в центре, и тачка приличная в гараже, и жена-красавица домашний очаг бережёт... Стоп! Опять побежал впереди паровоза. Такое со мной часто случается. Давайте всё по порядку.

Я вам про здравость своего мышления уже рассказывал. Сейчас обосную. Слышали когда-нибудь словосочетание «финансовое мошенничество»? Для меня это плеоназм вроде масляного масла. Разве «финансы» и «мошенничество» не синонимы? Если один человек имеет право в частном порядке печатать деньги (пусть даже под видом банковских кредитов), а другой – нет, это чистой воды мошенничество. Очевидно, что каждый захочет урвать кусочек существующей денежной массы (если уж печатать не дают) и восстановить справедливость (болящих в расчёт не берём). Финансы сами по себе – суть мошенничество и провокация. Чувствуете адекватность мышления? Я после Бауманки пять лет изучал банковское дело в Финансовой академии и протоколы проверяю не только под столом длинноногих свиристёлок. В начальственных кабинетах тоже много чего наслушался. Так что в вопросе я разбираюсь. Казалось бы, что ещё надо? Перспективы открываются – о-го-го! Бери лопату, веник – греби бабло и заметай следы. Но мой ясный ум и тут оказался бессилён против наследственной болезни. Порой она обретала поразительное красноречие: «Да, финансисты – мошенники. И что с того? Ты ведь не хочешь стать таким же?»

Хакерство долго оставалось моей единственной отрадой. (Мы же договорились, что про женитьбу и тачку вы ещё не в курсе.) Помните наш главный девиз? Коды и данные – общенародное достояние, или информация должна быть свободной. Святые слова. Кодов и данных у меня было выше крыши. А толку? Что со всем этим добром делать честному человеку? Вот я и писал вечерами свою «Чёрную дыру», даже не зная, смогу ли когда-нибудь её активировать.

Впрочем, я опять немного отвлёкся. У нас ещё будет время поговорить о моей честности. А сейчас я вам расскажу о шестёрочниках из «ЗФ». С них-то, собственно, всё и началось. Уроды портили мне кровь, ещё когда я был ребёнком, и довели отца до инфаркта – такое сложно забыть.

Тогда наши чиновники в очередной раз озаботились модернизацией страны. Обсыпанное нафталином словечко вынули из ветхого чемодана, потрясли, сдули пыль советской

эпохи и под новым соусом запустили в народ. ДВИЖЕНИЕ В БУДУЩЕЕ НА ВОЛНЕ ПРОГРЕССА! На модернизацию выделялись деньги, и снова выделялись, и снова... И каждый раз денег оказывалось недостаточно.

Как пошутил мой отец, вместо модернизации одни выделения.

Коснулись эти выделения и нас. Не обошла напасть. Решено было перевести весь город на экологически чистое энергоснабжение. А заодно и пригород. В рамках эксперимента. Прокатит у нас – по всей России-матушке то же самое забабахают. Готовились к этому делу чинуши основательно. Года два местные СМИ вопили об экологии, чистой энергетике и «толерантной» окружающей среде. А потом началось освоение бюджетных денег. Первым делом бомжеватые ребята разобрали опоры ЛЭП и увезли их вместе с проводами. Трансформаторами и прочей мелочёвкой тоже не брезговали. Железо, алюминий, медь – все эти атрибуты устаревшей энергетике наверняка кому-то оченьгодились. Но мы молчали: у нас же теперь всё будет по последнему слову техники! Я вообще радовался как ненормальный. Бегал вокруг рабочих и чуть ли не вопил от восторга. Краем уха слышал, что нам закупили самые современные солнечные батареи. Работают даже в пасмурную погоду. У них каждый фотончик в дело идёт. Как тут было не радоваться?! Наконец-то в нашем пригороде происходит что-то интересное!

Мне было десять лет.

Управились ребята за два дня. Начали в субботу утром, а в понедельник уже ни одного проводка в пригороде не осталось. Не тронули только подземные кабели, ну и по домам, слава богу, не ходили.

Как исчезли газовые трассы, мы даже не заметили.

Отец сразу понял, что это не к добру. Какие батареи с нашими туманами и дождями? – возмущался он и говорил что-то о предгорьях, об особой климатической зоне. На мои утверждения про каждый фотончик просто махнул рукой.

Город модернизировали за три месяца, а когда дошли до нас, кто-то раскопал заявление отца в мэрии и чинуши прозрели: они вдруг поняли, что из-за хронических дождей и туманов установка солнечных батарей в пригороде представляется бесперспективной. Решение, что и говорить, оказалось очень мудрым, а главное – своевременным. В самом городе тоже от экологически чистой энергетике пришлось отказаться. Даже в солнечные дни толку от батарей было мало. Энергии хватало только на три лампочки. Говорили про некачественные комплектующие. В общем, одну зиму горожане помёрзли, а потом дело запахло бунтом. Мэр обещал всё уладить и слово сдержал. Город кое-как электрифицировали, а до пригорода провода не дотянули. Денег не хватило.

Люди перешли на печи и дизельные генераторы. Экология от этого лучше не стала, но «зелёные» после освоения бюджетных денег почему-то потеряли к нам интерес, а местные СМИ постоянно находили куда более злободневные темы. Модернизированный пригород с печным отоплением их не волновал. Куда подевались закупленные солнечные батареи, в которых «каждый фотончик работает», осталось загадкой.

Деньги на всё это безобразие были выделены компании «3F».

А теперь вернёмся к моей феноменальной честности.

Уже на третьем курсе Бауманки я понял, что чертежи редукторов – это не ко мне. Вот диспенсер – другое дело. А если к нему ещё утилитку грамотную написать, будет совсем хорошо. Вы когда-нибудь получали в банкомате крупную сумму мелкими купюрами? Не очень приятное впечатление. Моя утилитка решила этот вопрос. Программа работала так, чтобы количество банкнот в кассетах оставалось примерно одинаковым. Я был уверен, что совершил революцию, и очень переживал, когда преподавы не оценили моё творчество. Позже

я узнал, что утилитку никто из них и не рассматривал. Для зачёта хватило чертежей диспенсера.

И всё же я не зря старался. О моих чертежах заговорили. Когда на сотню редукторов попадает один диспенсер, это немудрено. Через неделю после зачёта ко мне подошёл директор головного офиса банка «Русский простор». Шикарный костюмчик, прилизанная причёсочка – всё, как полагается. Его заинтересовала моя утилитка. Использовать её он не собирался, собственные «Diebold» его вполне устраивали, но почему бы не предложить работу талантливому пареньку? Паренёк, как вы понимаете, с радостью согласился.

Тогда-то я и попробовал первый раз вылечиться. Мы как раз устанавливали новые терминалы для оплаты сотовой связи и коммунальных услуг. Всего-то делов – написать заплатку, перечисляющую на нужный счёт, скажем, одну копейку с каждой транзакции. Такую потерю никто не заметит, а если учесть количество платежей по Москве, я мог бы озолотиться. Коммуналку решил не трогать. Хватит и телефонов. Идея мне нравилась тем, что я как бы никого не обворовывал. Ну что такое для вас одна копейка? То-то же.

Но где взять чистый счёт? В этих вопросах я ещё не шарил и решил посоветоваться со знающими людьми. Проблема тут же решилась. Люди оказались настолько знающими, что и заплатку сами написали. Я должен был её только вшить. Сообразили на троих. Не знаю, на что они рассчитывали. Думали, я не стану проверять заплатку? Ну-ну! Ребятки всё сделали грамотно, только почему-то одну копейку заменили на пять рублей. А это уже минута или две в переводе на разговор. Болезнь моя обострилась. Влип я конкретно. Мне пришлось хорошенько напрячь мозги и в экстренном порядке изучать природу чистых счетов. Хорошо, хоть добрые люди заняли крупную сумму на полгода.

Через два дня после установки терминалов на счёт нашей троицы стали капать денежки. Не так много, как хотелось бы, но мы были довольны. Главное – халява! Поступления постепенно увеличивались. Две недели мы радовались жизни, а потом руководство банка решило унифицировать криптографические алгоритмы и протоколы обмена на платёжных терминалах и банкоматах, а заодно и заменить ПО в терминалах. Унификация происходила без меня: я подключал банкоматы в питерских филиалах. Незапланированная трёхдневная командировка.

Халява закончилась.

Умные люди огорчились, но всё равно остались довольны. Мы помянули наше мероприятие в уютном баре на Арбате и расстались лучшими друзьями. Думаю, они так и не узнали, что никакой заплатки я никуда не вшивал, а деньги на наш счёт приходили прямым из моего кармана. Через две недели он опустел.

В общем-то, всё закончилось хорошо. Мне удалось слезть с крючка. Я остался честным человеком, и моему отцу не придётся краснеть за меня на том свете. Умные люди по-прежнему считают меня своим парнем, только слишком уж занятым.

Это был хороший урок. Я понял главное: хочешь провернуть гениальную аферу – молчи, всё делай сам и никаких умников на пушечный выстрел. Иначе – крах.

Кстати, деньги добрым людям я вернул уже через три месяца.

Кажется, меня опять занесло не туда. Я вам уже рассказывал о свиристёлках под вывеской «Обслуживание частных лиц»? Слава богу, у нас есть вывеска и для организаций. А под ней сидят девчонки поумнее. Они понимают, что с «безнадёжным случаем» лучше дружить. И разговоры у них куда интереснее. Я пока Ирке Колесниковой ноутбук чинил, много чего услышал. Она-то меня и просветила насчёт шестёрочников. Знаешь, говорит, почему триэфовцев сатанистами называют? «Это которые главные по распилу?» – «Угу». – «И почему?» – «Потому что F – шестая буква английского алфавита! Всё? Работает?» – «Получите и пользуйтесь!» – «Спасибки!»

И даже в щёку чмокнула. Не побрезговала.

К шестёрочникам я подбирался долго. Когда узнал, что они клиенты нашего банка, обрадовался. Думал, случайность. Но всё оказалось чутко сложнее. У шестёрочников были счета практически во всех банках с активами больше десяти миллиардов рублей. Не с моими зубами кусать такого зверя. Я продолжал «копать», но скорее уже по привычке. Мозг отказывался выдавать идеи и не видел решения.

Чтобы не слететь с катушек, я решил переключиться на «железо». Устроил в нашем отделении глобальный апгрейд системам безопасности. Увяз в этом на долгие месяцы, представляя сети для потенциальных грабителей. Что называется, подошёл к вопросу с душой.

И что вы думаете? Попалась-таки одна птичка! Да ещё какая! Тоже, кстати, юбочка выше колен.

Днём, ближе к обеду, сигналил у меня левый наушник, а на браслете красная лампочка мигает. Я улыбнулся: хакнуть нас пытались красиво, это вам не какие-нибудь юные дарования. К делу подписали серьёзных ребят. Иначе бы у меня весь браслет радугой полыхал и в ушах по-другому пищало. А так только одна система и сработала.

Плавню перемещаюсь к серверу и вижу: грабят банкомат у главного входа. Парнишка даже очки тёмные не надел. Действительно, зачем? При такой тщательной работе это ни к чему. Красавец! И не волнуется совсем. Увеличиваю его мордочку на весь экран и сохраняю для истории (параллельно со стандартной WebATM – X в банкомате работала моя собственная система видеонаблюдения).

Остаётся найти сообщника.

Сеть у нас беспроводная. Значит, кто-то «колдует» с ней прямо в зале. На первый взгляд всё как обычно. Подозрительных личностей нет. Пройдёмся-ка пеленгатором сразу по всем. Вот она, красавица в тёмных очках. В сумочке рукой колобродит. Стоит третьей к окошку «Приём платежей». Беленький пиджачок, юбочка, всё на уровне. А в сумочке источник радиоизлучения, направленный прямо на банкомат. И щёлкает эта сумочка наше 1024-битное шифрование как семечки.

Пока я снимал девушку сразу на три камеры, её дружок уже получил деньги. Запросил пятьсот рублей, а банкомат выдал пять тысяч. Вот и квитанции поползли. Одна из банкомата, другая из моего принтера. Виртуозная работа. Такого исполнения классической коммутации «на ходу» в варианте для беспроводных сетей я ещё не видел (синий огонёк на браслете мигнул только два раза). Скорость перехвата потоков нереальная.

Выхожу в зал с идиотской улыбкой и громко хлопаю в ладоши. Мне можно. Я безнадежный случай. Девушка в тёмных очках глянула на меня, а потом, так и не дождавись своей очереди, спокойно пошла к выходу. Наверное, устала ждать.

Я догнал её на середине дорожки между ступеньками и калиткой. Пока избавился от наушников и браслета, пока галстук поправил...

– Девушка, постойте!

Остановилась. Повернулась.

– Я заканчиваю в шесть. А в шесть пятнадцать можем встретиться у калитки. Это приглашение на чашечку кофе. Согласны?

– Исчезни!

– Прикажете любоваться вашими фото и «пальчиками»? Я их много наснимал, пока вы обворовывали нас на пять тысяч. Фоток вашего дружка у нас тоже много.

– Я не понимаю...

– Дайте мне ваши очки и сумочку. Орудия преступления должны остаться здесь.

– Я не понимаю.

– Тогда пойдёмте в банк, и я вам всё покажу. Будете дальше притворяться, вызову милицию. Вы всё еще не понимаете, госпожа Игнатенко?

– Твою мать! На чём же я срезалась? И откуда у вас мои «пальчики»?

– Сначала сумочку и очки.

– Не могу. – Она достала из кармана пиджака красную ксиву и сунула её мне под нос. – Я и есть милиция. Сумочку не отдам, это государственное имущество. Мы проверяем надёжность банковских систем. Настоящие грабители пятью тысячами не ограничились бы.

– Мне всё равно. Преступление есть преступление. Даже если его совершают люди в погонах. Даже если леди в погонах. Вы нас не предупредили, стало быть – обворовали.

– Я верну вам пять тысяч.

– Разумеется. Но сначала – очки и сумочку.

– Или вызовешь милицию?

– Хуже. Расскажу всем о ваших методах работы. Устрою громкий скандал с фотографиями и фамилиями. Меня прижать нечем. Я человек честный. Сумочку и очки. Тогда сделаю вид, что ничего не заметил. Даже деньги обратно положу.

– Шантажист! – Она сняла очки и протянула их мне вместе с сумочкой. – Так на чём же я срезалась?

– Да вы всё правильно сделали. Я ведь не зря вам аплодировал. Так, лёгкий рассинхрон при прерывании потоков. Они продублированы ещё и в инфракрасном диапазоне. Но это личная разработка, так что не переживайте. Было, правда, ещё кое-что. Так... нюансы, долго рассказывать.

– Предатель! У своих же хлеб забираешь.

– Кто бы говорил! В шесть пятнадцать возле калитки.

– А смысл?

– И не спешите сообщать о провале. Возможно, я верну вам компьютер с экраном.

– С какой радости?

– Радость сугубо личная: одноклассника встретил. Маш, ты правда меня не узнаёшь? Мы вместе учились в Бауманке. Тогда-то я твои «пальчики» и наснимал! Всё, пока...

Я убежал не оглядываясь.

Это был изумительный вечер, плавно перетекающий в ночь. Открытое платье, полумрак ресторана, красное бургундское, воспоминания о юности...

Под утро я всё-таки спросил о шестёрочниках.

– Бесполезно, – сказала Маша. – Эти твари слишком высоко сидят. Материалы мы, конечно, собираем, но ходу им не даём. Жить, знаешь ли, охота.

– А нельзя ли как-нибудь ознакомиться...

– Собрался на войну?

– Шутишь? Куда нам, партизанам, на войну.

– Ладно, посмотрю, что можно сделать... Но там сотни томов. Зарубежные банки, подставные фирмы... Тебе это интересно?

Я расплылся в довольной улыбке.

– Соберёшься партизанить – звони. Глядишь, помогу. Светает, кажется.

– Ещё бургундского?

Следующие два года всё текло своим чередом. Я целые дни просиживал над «Чёрной дырой», грабить нас никто не пытался, короче – скука смертная, даже рассказать нечего.

Единственное, что припоминаю, – это случай в хранилище. То ли уборщица с цветами перестаралась и от души побрызгала водичкой немного не туда, то ли инкассаторы напортачили, – мы так и не поняли. Но в результате непонятных деяний хранилище осталось без

замка. Электроника полетела напрочь. А дело к ночи. Рабочий день закончился. Пошли разговоры о диверсии с целью ограбления. Начальство – в ужасе. Ничего лучше не придумали, как посадить меня с двумя охранниками прямо в комнату-сейф и закрыть нас на механический замок. Пока мы внутри в карты резались, директор снаружи вахту нёс. Самое смешное было, когда нас открыли. Но ничего, обошлось. Деньги с пола пособирали, пересчитали и снова по мешкам разложили. Отличный получился покер, скажу я вам. Лучше любого энергетика.

Был и ещё один забавный случай, когда меня чуть не уволили. По крайней мере, пригрозили. Заговорились мы как-то с новым охранником прямо у входа. Слово за слово, и вдруг он выдаёт:

– А ты бы смог хакнуть наш ящичек?

– Да чего его хакать? Открывай и бери деньги. – Я вынул ключ и пошёл к банкомату.

– Так не честно! С ключом всякий может!

– На, попробуй. – Я протянул ему ключ.

– Не-е, не надо. – Он замахал руками, открещиваясь от меня. – А без ключа слабо?

– Можно и без ключа, но скучно. Ты бы что-то интересное предложил.

– Спорим на бутылку хорошего коньяка?

– Идёт!

Как назло мимо проходил директор.

– О чём спорите?

Я пожал плечами, охранник тоже.

– Уволю обоих! Если бы вы ещё на банкомат не пялились...

– Да ничего серьёзного! – сдался охранник. – Я просто спросил, сможет ли он хакнуть этот банкомат. Чисто теоретически!

Директор схватил охранника за грудки:

– Лёша, ты идиот! Он ещё студентом проектировал банкоматы нового поколения и софт к ним писал. А наши «ящики» вообще все перепрошил. Нашёл с кем спорить!

Так я коньячку и не попил.

Где-то посередине между этими двумя казусами мы с Машей поженились.

Всё-таки есть в мире справедливость. Ясным солнечным утречком я узнал, что компания «ЗФ» собирается реализовать грандиозный проект по облагораживанию обратной стороны Луны, и почувствовал, как моя болезнь отступает. Это было приятное ощущение. То-то наши СМИ последние годы всё про космос верещали. Готовили население к государственному проекту. Повод для новых выделений создан. Завтра президент подпишет указ, и уже ничто не помешает облагораживанию обратной стороны Луны. Цена вопроса – триллион рублей.

Я долго ждал этой минуты. Бюджетные деньги к шестёрочникам текли постоянно, да всё на благие цели. Улучшение медицинского обслуживания, помощь детям-сиротам, постройка жилья для малообеспеченных и далее в том же духе (про чистую энергетику вспоминать не будем). Как тут вмешиваться?! Болезнь не позволяла. Разве можно последние копейки у сирот забирать?! Но обратная сторона Луны – это уже слишком.

Я никогда не считал «Чёрную дыру» вирусом. Десять лет потратить на вирус? Ну уж нет! Извините! Все эти годы я создавал новую форму виртуальной жизни, новый искин, заточенный только на одну цель.

Меня охватили сомнения. Я позвонил жене.

– Привет, – сказала она.

– Привет, Маша.

Я замолчал.

– Чего звонишь-то?

– Посмотрел новости и захотел услышать твой голос.

– А, поняла! Всё-таки решился? Удачи!

Я активировал «Чёрную дыру» в тот же вечер.

Ни одно выделение на обратную сторону Луны не дошло до получателя. Деньги «испарились» в пути. Загадочным образом обнулились счета компании «ЗФ» во всех крупных банках. Прозрение наступило не сразу. По телевизору ещё крутились ролики о ходе облагораживания, когда прошла первая волна разоблачений. Поставщики кричали в камеру, что не получили ни копейки. Прокуратура занялась полномасштабной проверкой деятельности шестёрочников за последние двадцать лет. Сотни томов, описывающих их махинации, наконец-то приобщили к уголовному делу. Выяснилось много интересного, но куда делись выделения на обратную сторону Луны, так и осталось загадкой.

Чиновники, как обычно, в один голос утверждали, что денег нет. В этот раз они говорили чистую правду, а народ, как обычно, не верил.

Скандал разгорался за скандалом. Начались «посадки». В конце концов президент закрыл программу по облагораживанию обратной стороны Луны. Триста миллиардов рублей исчезли бесследно. СМИ наперебой выдвигали версии, одна фантастичнее другой.

Чуть позже в пригороде одного захолустного городка в каждом доме без лишнего шума появились новейшие энергетические системы на солнечных батареях, способные в пасмурную погоду выдавать мощность двадцать киловатт.

Сейчас я очень богатый человек. Только знаете, это совсем не радует. «Чёрная дыра» продолжает работать, и я не знаю, что с ней делать. Она засасывала на мои счета сомнительные транши и после закрытия скандальной программы, а вот интернаты, больницы и благотворительные фонды решила обойти стороной. Пенсионеров тоже почему-то не жаловала. Зато симпатизировала бюджетникам. Многих врачей и учителей осчастливила. Но в основном всё ко мне ручейки направляла. Сверх всякой меры. Нет, я, конечно, готов с утра до вечера бегать почтальоном ко всем нуждающимся, но это даже не капля в море. Столько денег просто невозможно обналчить. Кажется, теперь она тоже это поняла. Девочка живёт и развивается. Но самое страшное – она унаследовала мою болезнь. Я вложил в неё душу и, наверное, свою ненависть к мошенничеству. Не знаю, что произойдёт дальше. Даже предположить не могу. Возможно, она просто грохнет всю банковскую систему. Это был бы оптимальный вариант. Но боюсь, нас ждёт что-то другое, что-то очень честное и справедливое.

Так почему меня прошибает холодный пот?

Алекс Тойгер, Алёна Голдинг Афропанк

Грязь, грязь, грязь реки,
Будь послушной в моих руках,
Стань куклой... Танцуй, кукла!
Живи, кукла...
Мамаэ Ошун
Папай Огун Бейра Мар...

Утро началось с того, что Игумби-сата попросил меня запереть дверь. И не просто запереть, а замуровать – так, чтобы больше не открылась.

– Но я не смогу выходить из дома! – сказал я.

– Это ничего, – успокоил Игумби-сата.

Тогда я пошёл и нарубил веток с ближайшего баобаба. Всем в Африке известно, что баобабы – лучшее средство для заколачивания двери. Я нарубил веток, вернулся в дом и принялся за дело, а Игумби-сата сердито сказал:

– Ты дурак, Улело-баш.

Я побросал ветки и не знал, как мне быть теперь.

– Зачем ты забиваешь входную дверь? – продолжал Игумби-сата. – Ведь так никто не сможет войти в дом, и я – твой Игумби-сата – умру с голоду!

Он лёг на дно своей клетки и показал, как будет мёртвым. Я догадался, что он умер не взаправду – ведь я пока не заколотил дверь. Но мне всё равно стало очень грустно.

– Что же делать, Игумби-сата? – спросил я. – Как я должен поступить с дверью?

– Ты дурак, Улело-баш, – проскрипел неживым голосом Игумби-сата. – Нужно запереть заднюю дверь.

Тут я обрадовался, а потом опять опечалился. Ведь в моём доме не было задней двери, только передняя, и её нельзя было трогать, ведь тогда Игумби-сата умер бы окончательно.

– Бэктор-р-р, бэктор-р-р! – подбодрил меня прикинувшийся совсем умершим Игумби-сата, и я принялся искать заднюю дверь.

Я внимательно осмотрел все окна, подоконники и надоконники. Поздоровался с жуками за плинтусом, а они радостно пошуршали усами. Потом я открыл окно в потолке. За этим окном был необитаемый чердак. Я увидел, что все чердачные привидения на месте, и спустился вниз. После этого я решил проверить большой чёрный подвал. Этот подвал не имел конца, и в нём никогда ничего не было видно. Я открыл окно в полу и убедился, что внизу темно и полный порядок. И правда, какие могут быть дела в темноте?

Так я не нашёл заднюю дверь и сел отдохнуть. Я присел у дальней стены и спросил сам у себя:

– Где же эта дверь?

– Я здесь, – сказала стена.

Это я сначала подумал, что отвечала стена, но на самом деле говорил кто-то другой. Я хорошо знаю, как разговаривают стены, а тот голос был совсем не таким. Он звучал тихо и хитро – прямо как у бродячего Убулембу-адса. Я встал и оглянулся, но там не было никого. Убулембу-адс обычно приходит через главный вход и начинает звать за собой. Он зовёт в лес и затягивает в бесконечную паутину, а этот голос никуда не звал и шёл из стены. Так я догадался, что это очень хитрый Убулембу-адс – надо быть настороже! Я решил сделать вид, что не понял коварства, и опять сел на пол.

Я хитро сидел у стены и делал вид, что никого не узнал, а тихий голос говорил такую речь:

– Я знаю, что ты ищешь заднюю дверь по имени Идиди-бэктор, – говорил голос.

– И я могу тебе помочь, – продолжал голос. – Я могу помочь, ведь я и есть та самая дверь!

Я услышал эти слова и обрадовался, потому что уже успел соскучиться по Игумби-сата. А теперь, когда нашлась эта дверь, я смогу её заколотить. Тогда всё закончится, и Игумби-сата снова будет как живой.

Я встал и громко сказал:

– Здравствуй, задняя дверь, мне нужно срочно тебя замуровать!

– Замечательно! – ответила дверь. – Я с радостью помогу тебе.

Я обрадовался ещё сильнее, а дверь сказала, что очень-очень хочет, чтобы с ней поскорее уже сделали что-нибудь. Тогда я взял в руки молоток и хотел начать, но потом понял, что не вижу дверь! И тут она сказала так:

– Я невидимая задняя дверь. Чтобы я стала видимой, ты, Улело-баш, должен принести топор!

Я быстро сходил за топором, а невидимая дверь объяснила, что с ней нужно делать дальше. И вот я начал рубить стену. Очень скоро я вырубил щель в мой рост. Рядом я вырубил ещё одну. И две щели поперёк – внизу и вверху. Потом я принёс петли и вбил их в стену, а дверь сказала, что это хорошо. И тогда я стал радоваться, а прямо передо мной была новая дверь Идиди-бэктор. Она раскачивалась на петлях и тихо поскрипывала очень лукавым голосом. Теперь, когда дверь стала видимой, я мог заколотить её. Но дверь сказала вот что:

– Зачем тебе заколачивать меня, Улело-баш? Я очень хорошая и притом задняя. Давай лучше будем дружить.

Мне очень понравилась Идиди-бэктор, и я хотел согласиться. Но потом я вспомнил про Игумби-сата и начал думать. Я думал долго, а дверь всё это время поскрипывала странным голосом. И пока она хитро скрипела, что-то невидимое тихо подсматривало в щель. В конце концов это невидимое решило подсматривать изнутри, и оно проникло в дом. Невидимое вошло, и я увидел, что это зомби.

– Здравствуй, Улело-баш, – сказал зомби и сразу ушёл.

Я хотел думать дальше, но тут зомби опять появился в задней двери.

– Здравствуй, Улело-баш, – произнёс он и снова ушёл.

Я очень удивился, потому что он поздоровался уже второй раз. Я хотел пойти следом, чтобы узнать, зачем он так поступил, но тут зомби вошёл в третий раз. Он опять поздоровался и собирался уйти, но я поймал его за руку и спросил, почему он здоровается так часто.

– До свидания, Улело-баш, – ответил этот приветливый зомби.

Потом он ушёл, а его рука осталась у меня. Я хотел побежать за ним и отдать руку, но зомби появился в четвёртый раз. Он вошёл и поздоровался со мной, и обе его руки были на месте. Я вспомнил, что все зомби в Африке на одно лицо. И тогда я догадался, что их приходило несколько штук.

– Здравствуй, новый Умлайезо-зомби, – сказал я. – Я не отдам эту чёрную руку, потому что она не твоя. Теперь я всё понял и вам меня не провести.

– До свидания, Улело-баш, – ответил зомби и немедленно вышел.

Мне стало интересно, сколько их всего прячется за задней дверью. Я хотел выплунуть наружу, но вдруг вошёл ещё один. Не успел он поздороваться, как следом за ним появился следующий, а потом ещё и ещё. Они уже не успевали здороваться, а только толкались и радостно пыхтели в дверях. Всем известно, что если зомби собираются вместе, то они начи-

нают ходить туда-сюда. А когда они ходят туда-сюда через узкую Идиди-бэктор, никто другой не может выйти или войти.

Скоро зомби стало ещё больше, поэтому я решил воспользоваться главным входом. Я открыл переднюю дверь, но в неё тоже повалили приветливые зомби. Теперь они могли входить и выходить в обе двери, а я не мог ни в одну!

Тогда я решил спросить совета у мертвящегося Игумбисата, ведь он пока не умер по настоящему, однако я не смог добраться до его клетки – слишком тесно было вокруг.

– Зачем пришли все эти Умлайезо-зомби? – вскричал я.

– Отказ в обслуживании! – хрипел в ответ Игумби-сата, и я не мог понять, зачем он такое говорит.

Я хотел спросить у кого-нибудь ещё, но зомби умели только входить, выходить и быть вежливыми, а задняя дверь Идиди-бэктор почему-то перестала общаться со мной. И я вспомнил пророчество, о котором любил рассуждать Игумби-сата. Он рассказывал об этом пророчестве всякий раз, когда я чистил клетку. Там было что-то о тёмных людях, которые не то придут, не то уйдут. Игумби-сата не помнил точно, но утверждал, что все подробности записаны где-то в доме и для надёжности прикрыты толстым слоем мусора. Я чистил грязь в клетке, но ни разу не мог найти там пророчества, а Игумби-сата радостно хихикал и скрипел. Ещё он любил петь о девушке со странным именем, и после этих песен я сразу забывал о тёмных существах... Теперь эти существа пришли!

Я начал пробираться к клетке с пророчеством, но из этого моего начинания ничего не вышло – слишком много зомби толпилось на пути. Тогда я попытался ползти, но вместо этого оказался прижат головой к полу. А потом я услышал новый звук.

– Пинг, – сказал кто-то в большом чёрном подвале.

– Пинг, пинг!

Я приоткрыл подвальное окно и ждал, что оттуда тоже кто-нибудь придёт. Но там была только темнота.

– Пинг, – сказала темнота.

– Понг, – ответил я.

Тогда темнота на безмолвном языке рассказала мне, что есть одна девушка. Эта девушка знает, откуда пришли все зомби. Она даже знает, куда им следует идти теперь.

Ещё темнота объяснила, что у девушки есть заклинательное слово.

– Хочешь услышать это слово? – так спросила темнота.

Я ничего не ответил. Дело в том, что зомби уже стало совсем много. Они толкались и давили так сильно, что я не мог говорить.

– ША-БАНГ!

Темнота исчезла, и появился яркий свет. А дальше я увидел вот что...

Когда Амака купалась в лесной речке, в её тайную пещеру проникла рыба. Заплыла и запуталась в длинных водорослях. Амака ойкнула удивлённо и, кажется, что-то сказала вслух. Затем она цокнула языком, перевернулась на спину и поплыла против течения, сама не заметив как.

В пещере было темно, и рыбе стало страшно. А когда рыбам страшно, они свистят – почти как люди. Но Амаке было не страшно, а грустно, потому что непутёвый Улело-баш из всячего посёлка никак не мог выбрать себе жену.

Амака плыла и смотрела в небо, пока не зарябило в глазах. Потом наступила ночь, и на небе стало темно. Амаке казалось, что где-то там есть другая сторона темноты. А за другой стороной бродит Улело-баш. Он собирает жуков и насвистывает такую песню:

У Мейкны высокий лоб и груди как баобабы,

Но у Ези округлый рот.
У Ези рот, как жадные щупальца мухоловки,
Но у Бахати узкий стан.
У Бахати стан, как побег бамбука,
И она прекраснее своих подруг.
Но ни одна девушка не сравнится с Ошун.
Шабанг, шаба-а-анг, о, Ошун!
Шаба-а-анг...

Так пел воображаемый Улело-баш по другую сторону темноты, а Амаке было тоскливо и одиноко – почти как рыбе внутри. Она сморщила нос и принялась замышлять.

Все девушки ревнивы к чужим песням, особенно такие красивые, как Амака. Ей тоже хотелось песню про себя. А когда девушки хотят песен, они разыщут их даже на другом конце петляющей лесной реки. И вот, Улело-баш пел, Амака плыла против течения, а темнота в небе тихонько подглядывала вниз.

Когда Амака доплыла до ржавого берега, она уже успела всё замыслить, а потому отправилась на поиски самого большого баобаба. Всем в Африке известно, что возле баобабов живут весьма опасные существа. Но Амака была смелой девушкой, потому что очень хотела замуж. Она нашла развесистый красно-чёрный баобаб с большим дуплом, рядом с которым жил кто-то опасный и хитрый.

– Я ждал тебя! – изрёк этот кто-то шипящим голосом. – На тебе порча!

– Ты кто? – спросила Амака. Она ещё никогда не видела такого существа.

– Я – Убулембу-адс, – ответило существо. – Я бываю одновременно здесь и не здесь. Я могу стать тем, кем ты скажешь, чтобы я был. И ещё – за определённую плату я готов снять твою порчу.

Амака ничего не поняла и решила промолчать, потому что была умной девушкой. Но потом она вспомнила про песню, которую пел Улело-баш, и тут же рассказала обо всём Убулембу-адсу.

– Хочешь ли ты, чтобы я снял эту порчу? – опять прошипел тот.

– Я хочу стать женой Улело-баша! – смело ответила Амака, а её щёки резво изменили цвет.

– Сделано, – радостно сообщил Убулембу-адс и издал странный звук.

Амака огляделась вокруг, но нигде не увидела своего нового мужа.

– Где Улело-баш? – спросила Амака. – Зачем ты обманываешь меня?

– Я – Убулембу-адс! – важно объявил Убулембу-адс. – Я не обманываю никогда! Я делаю ровно то, о чём просят.

В доказательство этих слов он протянул глиняный черепок с большим жирным словом «Свидетельство». Ещё там стояла неразборчивая, но очень важная печать, а ниже было нацарапано, что Амака теперь жена Улело-баша из всячего посёлка.

– Ты просила стать женой? Вот здесь написано, что это так, – сипел Убулембу-адс. – Ты не просила привести этого баша сюда.

– Сделай так, чтобы он пришёл! – капризно потребовала Амака.

– Ага-а-а? Ну... нет ничего проще! – задумчиво прохрипел Убулембу-адс и показал два ряда разноцветных зубов.

Он постучал хвостом по стволу баобаба и тут же отполз в сторону. Амака снова покраснела и подскочила к дереву, чтобы наконец поздороваться с мужем. Все знают, что краснота – признак зрелости. И вот, зрелая Амака встала у ствола толстого баобаба и ждала Улело-баша, а из дупла выскочил огромный чёрный зомби.

– Здравствуй, Амака, – сказал энергичный зомби и тут же отправился по неотложным делам.

– Здравствуй, Умлайезо-зомби, – пробормотала Амака, – где мой муж?

Умлайезо ничего не ответил, потому что ушёл уже далеко, зато на его месте появился новый зомби. Не успела Амака спросить его про Улело-баша, как из дупла вылез третий, потом четвёртый, а дальше Амака не умела считать.

– Это всё потому, что на тебе порча, – пояснил Убулембу-адс. – Надо было снимать порчу, а не замуж идти.

– Зачем все эти зомби? – решила уточнить Амака и приготовилась зарыдать.

– Они отправились к Улело-башу, – проскрипел Убулембу-адс. – Наш баш нынче популярен, все зомби идут за ним. Зомби от Мейкны идут. И зомби от Ези. И даже Умлайезо-зомби от Бахати хотят поздороваться с Улело-башем из зависшего посёлка!

Услышав все эти имена, Амака крикнула и двинулась на Убулембу-адса.

– Я вообще-то ни при чём, – попятился тот. – Хотела мужа? Наберись терпения. Ско-о-оро, очень ско-о-оро...

После этих слов свет сменился темнотой, и я увидел, что падаю в большой чёрный подвал. Теперь, когда я посмотрел странные картинки, я догадался, что зомби порождаются из дупла, в котором засела какая-то порча. Видимо, зомби не любят жить с порчей, поэтому они пришли ко мне. Осталось узнать, как вернуть их назад. Всем известно, что Умлайезо-зомби умеют только здороваться и прощаться, и по этой причине я не мог спросить дорогу у них самих.

Пока я падал, вокруг было много темноты – столько я ещё не видел даже во сне. Что-то трогало меня в темноте, и я не знал, на каком языке с этим говорить.

– Подвал, подвал, я не твой! – закричал я. И тогда темнота закончилась, а я долетел до низа.

Так я оказался посреди леса. Я оглянулся назад, но там не было всячего посёлка и дома с почти мёртвым Игумби-сата. Все зомби тоже куда-то пропали. Вокруг росли секвойи, баобабы и много странной травы. Кое-где с деревьев свисали откормленные питоны, а вдали виднелось стадо неуклюжих слонов. Я встал и хотел искать дорогу назад. Но потом я вспомнил про Убулембу-адса, которого видел через темноту. Этот адс твердил что-то про порчу – наверное, они были знакомы. Когда я вспомнил об этом, то решил разыскать Убулембу-адса и задать ему главный вопрос обо всём. Пусть позовёт зомби назад! Тогда задняя дверь Идиди-бэкдор перестанет обижаться на меня, и мы опять начнём дружить...

– Осторожно, двери закрываются, – вдруг произнёс кто-то.

Я оглянулся и увидел крошечную антилопу.

– Здравствуй, Йокуфака-гну, – сказал я, – мне нужно поскорей доехать до той стороны темноты, чтобы попросить Убулембу-адса кое о чём. А то Идиди-бэкдор и дальше будет дуться и молчать.

– У меня шестой номер, – важно ответила гну, – и я не буду тебя везти. Ты можешь сесть и слезть, но я не тронусь с места.

Я удивился, но не подал вида.

– Чтобы ехать, тебе нужен номер семь, – продолжала гну, – а меня ты никак не сможешь запустить.

– Тогда я сам повезу тебя, – твёрдо ответил я, потому что можно проголодаться, если так много считать.

После этих слов я двинулся вперёд, но тут Йокуфака-гну стала возмущаться и скрипеть рогами. Я уже хотел написать на ней правильные цифры, но гну сказала вот что:

– Не ты владелец – не тебе и номер менять! Ты совсем ослеп, Улело-баш. Тебе нужно правильно открыть глаза, а не рисовать на мне неправильные цифры. Посмотри вокруг – ты уже по ту сторону темноты, ведь здесь светло!

Так сказала Йокуфака-гну и тут же спряталась в высокой траве, а я моргнул, правильно открыл глаза и увидел, что со всех сторон та сторона.

– Спасибо большое! – крикнул я вслед антилопе и вошёл в траву.

С собой я нёс руку зомби. Я прихватил её на тот случай, если проголодаюсь в пути. Каждый мужчина в лесу знает, что рука – лучший способ утолить голод. А ещё, когда тяжело, можно спеть песню. Вот такую:

Когда паук-бабуин сплетёт мне пирогу
В виде краюхи хлеба
Или совсем молодой луны,
Я украшу пирогу звездой
И понесусь к своей возлюбленной
На самое дно реки.
О, Ошун! Шабанг, шаба-а-анг!
О-о-ошун!

Я шёл вперёд, пел и хотел поскорей найти источник всех зомби, а вокруг рос сплошной красно-чёрный лес. Деревья раскачивались совершенно без ветра, и я не мог понять, кому такое нужно. Тогда я пригляделся внимательней и заметил паутину, которая оплела всё вокруг. Я посмотрел на другой конец паутины, и там был Убулембу-адс!

– А вот и я, – сказал он, а я на всякий случай сделал вид, что никого не узнал. – Вообще ты молодец. Ты знаешь, как делать пинг, и знаешь, как делать понг, ты расслышал мой голос в подвале и смог убежать ото всех, – продолжал Убулембу-адс. – Ты хочешь прогнать зомби и считаешь, что их придумал я. Но это не так. Умлайезо приходят и уходят, но никто не избавит тебя от зомби в голове. Только ты сам!

Так сказал Убулембу-адс, а я подумал, что это всё неспроста. И не успел я подумать что-нибудь ещё, как адс ловко выхватил у меня руку зомби и мгновенно её проглотил.

– А теперь я покажу, что в моей сети есть не только паутина, – икнул Убулембу-адс.

Он присел на корточки и напрягся. Потом пошарил под собой и подобрал какой-то предмет. Адс протянул этот предмет мне, и я узнал руку зомби. Она выглядела так же, как раньше, только цвет вместо чёрного стал белым.

– Держи крепче, – заявил Убулембу-адс, – теперь это рука Ифа, и она сможет вывести тебя к радужному источнику.

Я хотел уточнить, что за источник выведется из этой руки и кто такой Ифа. Но Убулембу-адс принялся дёргать за паутину, и красно-чёрные деревья закачались особенно сильно. Круглые листья принялись скакать с ветки на ветку и меняться друг с другом местами. А потом рука Ифа стала трястись и тянуть меня в чашу. Я сжал её изо всех сил, потому что эта рука очень хотела сбежать. Мне даже пришлось идти в ту сторону, куда она меня тянула, а тянула она то туда, то сюда. Я так старался удержать руку, что совершенно забыл попрощаться со странным Убулембу-адсом.

Так мы постепенно вышли из леса, а потом я услышал шум воды. Я заметил, что пальцы на руке Ифа сплелись в очень сложную фигуру. Я посмотрел вперёд – туда, куда указывал длинный оттопыренный палец, и там я увидел Амаку, а она увидела меня. Тогда я потерял равновесие и рухнул на четыре конечности. А если девушка видит мужчину на конечностях, он обязан заговорить с ней.

– Добрый день, Амака, – так сказал я и хотел перевести дух.

– А чего его зря переводить? – пробурчала Амака и сразу затихла.

Она была тактичной девушкой, поэтому развернулась спиной и подставила ягодицы солнцу. И правда, как ещё дать мужу понять, что ты его ждёшь, но не хочешь мешать?

От Амаки падала округлая тень, и я не сразу заметил, куда указывает палец Ифа. А направлен он был в сторону баобаба с большим дуплом. Дупло подозрительно темнело и вело куда-то вглубь.

Тут Амака перестала общаться с солнцем. Она подошла и показала мне исписанный черепок с красивой важной печатью, а я сказал, что не умею читать на этом языке. Ещё я сказал, что не могу жениться на ней, потому что вообще пока не женат. Нельзя сделать старшей женой ту, о которой ни разу не пел! Поэтому я тихо поднялся и хотел идти.

– Стой! – скомандовала та, о которой я никогда не пел. Я встал и не мог подыскать песню для такого случая.

– У меня что-то есть, – сказала Амака и затопталась на месте. Все девушки топчутся на месте, когда хотят открыть страшную тайну.

– Что у тебя есть? – спросил я и на всякий случай тихонько засвистел – ведь свист это песня, не женатая на словах.

Амака не стала слушать мои холостяцкие звуки. Она сложила губы уточкой и важно просюсюкала:

– У меня есть по-о-орча!

Так сказала Амака, а потом уточнила, что порча заплывла из реки и пока не вышла обратно.

Тогда я спросил, где эта её порча, а она подвела меня к баобабу и сказала, что, скорее всего, тут. Я заглянул внутрь дупла и решил, что кроме порчи там может жить кто-то ещё. После этого я подумал, что дупло больше похоже на пещеру, которая ведёт в неведомую глубину – навряд ли той, что в большом чёрном подвале. И тогда я засунул в эту глубину сначала одну руку, потом другую, ну а следом и третью тоже. Чего не сделаешь, чтобы избавить девушку от порчи!

Сзади раздался гул. Я перестал искать порчу, обернулся через плечо и увидел, что с востока приближается тьма. Тогда я обернулся через другое плечо, но и за ним было то же самое. И вот тьма приблизилась и сказала:

– Здравствуй, Улело-баш!

Я понял, что тьма – это много-много зомби. Они теснились со всех сторон и приветливо тянули руки. Ещё там были девушки – знакомые и не очень. Мейкна была, и Ези, и даже Бахати – все на выданье, красавицы, одна толще другой. Я даже стал завидовать их будущему мужу. А когда мужчина завидует, он перестаёт искать порчу в неведомой глубине.

– Не отвлекайся! – раздула ноздри Амака и яростно затопотала ногами.

Я не понял её топота, но решил больше не завидовать направо и налево. Каждый знает, как опасен гнев жены, пусть даже ненастоящей. Я хотел вернуться к древесной темноте, но тут из дупла на свет полезли новые зомби – один чернее другого. Они радостно улыбались и здоровались со всеми вокруг.

Когда тех и этих зомби стало примерно поровну, Амака достала своё свидетельство с печатью. Она начала показывать это свидетельство всем подряд, и зомби радовались написанному. Девушки тоже смотрели на свидетельство, но улыбка почему-то не появлялась на их лицах. Вместо радости они показали Амаке такие же черепки с печатями, а зомби хлопали в ладоши.

Амака меж тем спружинила колени, оттопырила зад и надула щёки. Все знают, как опасны девушки с пружинными коленями и дутыми щеками. Да, Амака сейчас была очень-очень опасной.

– А ну пошли вон! Укус пираньи вам, а не мужа! – так выдохнула Амака и принялась танцевать танец войны.

Я втянул голову в плечи, а руки поглубже в дупло. Амака танцевала, а я торопливо искал её порчу на дне глубокого баобаба.

Когда обе мои руки и даже рука Ифа были по локоть в темноте, я услышал тихий всплеск. Потом я проник глубже, оказался в высокой сырой пещере и не видел там ничего. Впереди что-то шевельнулось и забулькало. Я протянул все три руки, потрогал это что-то и понял, что вокруг упругие стены. Эти стены сдвигались и раздвигались, а сверху свисали длинные водоросли. Когда этих водорослей стало больше, я догадался, что они тянутся ко мне. И вот, водоросли обвили мои руки, я запутался в них и не знал, зачем они извиваются всё сильнее.

Тогда я начал свистеть. Я свистел как рыба, которой страшно. Мне и правда было страшно, ведь этих водорослей становилось всё больше и стягивались они всё туже – как те зомби вокруг баобаба.

– Это не водоросли тугие, а твои мозги, – произнёс кто-то знакомым скрипучим голосом.

Я хотел вежливо поздороваться, но не смог шевельнуть ни одним пальцем. Тогда я продолжил свистеть, будто рыба, заблудившаяся в беззвёздной пещере. Ещё я начал шлёпать хвостом и не сразу вспомнил, что хвоста у меня нет.

Стены задрожали сильнее, а снаружи послышались крики и звуки какой-то возни.

– Вижу, ты уже нашёл всех своих жён? Или это они нашли тебя? – поинтересовался Убулембу-адс. – Знаешь, как мне надоело царапать свадебные черепки? Сначала все хотят за тебя замуж, а после требуют, чтобы я исполнил желание. И я исполняю всё, что просят, – ведь так я устроен! А когда я исполняю желание, приходят зомби. Их много, и все они чёрного цвета, потому что мысли женщины – сплошные потёмки.

После этих слов Убулембу-адс грустно рыкнул и безысходно взмахнул хвостом.

– Эта Амака ищет порчу не для того, чтобы избавиться от неё. Нет! Она хочет испортить и тебя тоже! Тогда ты станешь для неё бесценным полноценным мужем – так она считает.

Я не мог возразить, потому что водоросли держали крепко. Тогда я стал слушать дальше. А дальше Убулембу-адс уже почти закончил.

– Я бываю везде, но я не знаю всего, – сказал он. – Я не знаю, потому что не могу быть за пределами этого «везде» – в том месте, где зарождаются зомби. Я не могу, а ты можешь – ведь это тебя они искали по всем моим сетям! Так вот, иди и скажи той, кто это затеяла, что зомби рвут паутину, и если так пойдёт дальше, то скоро я не смогу колдовать!

Так закончил свою речь мудрый Убулембу-адс, а я кивнул и издал утвердительный свист. Потом я подумал, что уже слышал похожее от Игумби-сата, но додумать не успел, потому что память моя почти закончилась – так сильно давили водоросли.

– Знаешь, рука Ифа не для того, чтобы тыкать пальцем туда-сюда. Используй по назначению! – проскрипело у меня в голове.

И вот бывшая рука зомби явилась перед глазами. Водоросли почему-то обходили её стороной. Рука задумчиво сжимала и разжимала пальцы, а потом вдруг отвесила мне подзатыльник! Вокруг сразу же посветлело, я заморгал глазами и не мог узнать пещеру. Водоросли перестали извиваться, и я увидел, что они разных цветов. Попадались даже полосатые. Они свисали отовсюду, и я откуда-то знал, что с ними нужно делать теперь.

И вот я начал рукой Ифа распутывать и переставлять эти водоросли в правильном порядке. Сначала бело-оранжевые, потом оранжевые и все остальные за ними. Когда я закончил переставлять, то услышал бубен. Его звуки раздавались всё громче, и тогда я понял, что распутанные водоросли стремительно тянут меня вверх, к свету. Кроме света там был кто-

то ещё, и этот кто-то делал своими пальцами странные штуки. Штуки ярко вспыхивали и дёргали за цветные водоросли.

Я оглянулся назад и не увидел дупла, через которое попал в пещеру-баобаб. Мне стало грустно, потому что Амака не успела показать мне свой танец войны и много других танцев тоже. А ещё где-то там остался Игумби-сата в своей клетке и задняя дверь Идиди-бэкдор.

Из-за всех этих мыслей я уже почти собрался повернуть назад, но тут кто-то в моей голове сказал такие слова:

– Плыви, плыви, рыбка. Плыви сюда!

Так сказал чей-то голос, и это был не Убулембу-адс. На самом деле я догадался, кто это был, потому что вспомнил, о ком пел все свои песни. И тогда я поплыл вперёд, на свет.

Когда я приплыл, оказалось, что это подвал – почти такой же, как в моём доме. Я очень обрадовался и думал, что скоро увижу Игумби-сата. Но тут окно надо мной отворилось, и я увидел... её! Я сразу догадался, что это моя старшая жена. Про неё я пел песни и сонничал сны. Старшая жена смотрела на меня сквозь окно. Она смотрела и будто не видела. Тогда я растолкал все водоросли и хотел вылезти из подвала. Но я смог лишь просунуть голову и открыть рот. Так я впервые предстал перед своей старшей женой.

– Здравствуй, Ошун, вот я пришёл! – громко сказал я.

– Ты кто? – удивилась Ошун, а я не знал, какую песню выбрать теперь.

– Я – твой старший муж, – наконец ответил я, а Ошун зачем-то снова удивилась и спросила, откуда я прознал её ник.

– Я – старший муж, – повторил я, – мне положено знать о тебе всё.

Она удивлялась всё больше и больше, но потом, кажется, поняла, кто я. Она стала весёлой, протянула ко мне руки и начала ими делать танцующие движения. От этого ручного танца в голове родилась песня:

Когда пальцы любимой
Сорвут глиняную лепёшку с моих волос,
Я пойму, что умираю,
Но не разомкну объятий.
О, Ошун! Как ты прекрасна в своём танце!
О, Ошун! Шабанг, шаба-а-анг!

Пока я пел из подвала, моя старшая жена делала руками странные жесты и говорила неведомые слова.

– Прикольный алгоритм! А на первый взгляд – всего тридцать строчек... Та-а-ак, теперь пририсую тебе модную причёску... – бормотала Ошун.

Наконец она закончила делать дела с моей головой, засмеялась и сказала вот что:

– Я, как бы, не художница... Так что теперь ты у нас панк!

Так заявила старшая жена, а я не знал, что такое панк, поэтому запел новую песню:

Сквозь окно мы вверх посмотрим,
А-а-ах-х – и это уже низ!
В мир Богов мы переходим,
Забывая, чей каприз
Нам позволил измениться –
В зеркалах переродиться,
Раствориться в сотне лиц.

Что-то в этой песне было не так. Я пел и не узнавал слов, потому что мысли теперь шевелились как-то по-новому и стояли торчком поверх головы. Тем временем Ошун схватила меня за руку, втащила в дом и закружила в танце. И тогда я понял, что нахожусь в мире Богов!

В этом мире всё было по-новому. Не скакали гну и другие звери, Игумби и прочие сата не крутились по своим клеткам, и уж, конечно, никакие зомби не здоровались направо и налево. Даже Убулембу-адс с паутиной остался позади, хотя я чувствовал, что он где-то близко. Я повертел головой в поисках его совета и вдруг увидел свой прежний мир! Через окно он казался совсем плоским и ненастоящим. Я пригляделся внимательней и понял, что это вовсе не окно в подвал, а что-то незнакомое, похожее не то на аквариум, не то на ящик с мусором. Мой мир помещался внутри этого незнакомого окна, и я мог видеть всё, что там происходит. А происходило там много разного. Зомби радостно плясали вокруг баобаба. Амака грозно потрясала всем, чем могла. Мейкна, Ези, Бахати и остальные красотки старались не отставать от Амаки в её потрясании. Это был самый страшный танец войны, от которого всё качалось и шаталось! Тут я сообразил, что если они продолжат раскачивать мир, то мне некуда будет возвращаться с моей старшей женой. И тогда я повернулся к ней, чтобы говорить речь.

Ошун сидела в кресле. На голове у любимой были странные штуки, похожие на маленькие бананы – ими она слушала мой мир. Ещё там были другие штуки, которыми Ошун дёргала за водоросли-нити – те самые, что притащили меня в мир Богов. Она опускала свой палец, рождала щелчок, и нити начинали трястись с новой силой. Эта тряска нитей чем-то была похожа на танец войны. Когда я понял, что нити танцуют тот же самый танец, который танцевала Амака вместе с остальными потрясными девушками, я хотел спросить у Ошун, с кем эти нити собрались воевать. Но она задала вопрос первой.

– Ты знаешь о пророчестве? – вот что спросила моя старшая жена, и я ответил, что знаю.

Тогда Ошун стала очень радостной и попросила немедленно рассказать всё, что я помнил. Она даже перестала дёргать за нити.

– Не получается, – ответил я. – Во мне есть это знание, но я не могу его извлечь.

А я и правда не мог произнести ни слова про клетку Игумби-сата и про то, что было спрятано под слоем мусора. Что-то мешало. Мысли путались, и я не мог собрать в голове даже то, что когда-то знал.

Тогда Ошун нахмурилась, а потом сказала, что нужно взломать последнюю защиту. Я не понял, кого нужно защищать, и на всякий случай приготовил новую песню. Но тут старшая жена протянула руку и снова что-то сделала с моей причёской.

Внезапно мне тоже захотелось прикоснуться к её волосам. И вот я поднял свою руку, но это оказалась рука Ифа! Она словно стала частью меня. Я опустил глаза и не мог узнать своё тело. А рука Ифа всё тянулась и тянулась из моей груди до тех пор, пока не вытянула изнутри другого меня. Этот другой Я отбросил меня-прежнего в угол, я упал и не мог пошевелить ни одной из оставшихся рук. И вот я-прежний лежал в углу, а я-дубль приблизился к Ошун и протянул руку Ифа. Лицо старшей жены стало такого же цвета, как эта третья рука. Потом Ошун начала сильно-сильно дёргать за нити-водоросли, а плоский мир за моей спиной мигал радужными цветами.

– Неужели вычислили? – шептала она. – Как же так...

И от этого шёпота сама собой родилась песня:

Когда чёрные люди взломают клетку,
А молния разнесёт баобаб,
Я пойму, что пришло правосудие,

И тогда я умру насовсем.
А река повернёт свои воды,
Унося Амаку назад...
О, Ошун, зачем ты так...
О, Ошун! Шабанг, шаба-а-анг!

Такая песня вдруг зазвучала в голове, и я не мог понять, в чьей. Зато я сообразил, что это – кусок из пророчества, того самого, которое пряталось внутри меня. Оно хранилось под толстым слоем замусоренных мыслей, а теперь вышло наружу и стало дублем...

– Ты – засланец Шанго? – вскрикнула Ошун.

Когда я услышал этот крик, у меня в голове сложилась ещё одна мысль. Мысль была о том, что это Ошун наслала порчу на Амаку и на всех остальных тоже. Порча была такой страшной, что от неё на свет появлялись зомби. И зомби эти искали меня – Убулембу-адса, чтобы привести к Ошун. Вот как сильно я был нужен моей старшей жене!

Я не успел порадоваться этой мысли, потому что она продолжила зреть внутри меня. Мысль извивалась и росла. Ей уже не хватало памяти, поэтому мысль разорвала оболочку и вышла из берегов моей головы. И тогда я умер.

А когда я умер, то смог родиться по-настоящему.

Я-рождённый лежал в углу комнаты и смотрел на то, как Ошун медленно пятится от моего дубля. Вдруг она метнулась к розетке и дёрнула за провод. Когда Ошун дёрнула провод, рука Ифа перехватила её запястье и не дала совершить задуманное. Молнии белых строк пробежали по чёрному окну подвала и ударили в баобаб, обрывая поток вежливых зомби. Я почувствовал, как моя старшая жена отшатнулась и упала в кресло.

– Кто ты? – закричала она.

«Кто я?» – пронеслось в голове.

Когда я додумал эту короткую мысль, я заставил себя встать. Я поднялся из своего угла и двинулся к дублю, потому что никто не вправе обижать мою старшую жену! Я схватил дубля за руку Ифа и развернул его к себе. Я держал изо всех сил, а Ошун переводила глаза с него на меня и не могла понять, что ей делать теперь.

– Удаляй логи и выходи из сети! – закричал я, и каким-то образом мне было известно, что означает это заклинание.

– Быстрее! Тебя ещё не засекали...

И тогда Ошун поняла. Её пальцы застучали по клавишам, а плоский мир за моей спиной снова искрился и мигал.

Потом я почувствовал, что хватка моя ослабла, и дубль почти вырвался из рук. Я посмотрел на Ошун и увидел, что ей нужно ещё немного времени. Тогда я напряг последние силы и обхватил дубля покрепче. Мы сплелись с ним в неведомом танце, а после я оттолкнулся от стены и увлёк нас обоих обратно – в плоский мир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.